

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Б. К. Зайцев
**ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Борис Зайцев

**Преподобный Сергей
Радонежский (сборник)**

Издательство «Детская литература»

УДК 821.161.1-97
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зайцев Б. К.

Преподобный Сергей Радонежский (сборник) /
Б. К. Зайцев — Издательство «Детская литература»,
— (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-004498-4

В сборник вошли произведения классика Серебряного века и русского зарубежья Б. К. Зайцева: житийное повествование «Преподобный Сергей Радонежский», лирические книги его паломнических странствий «Афон», «Валаам», а также рассказы. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-97
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-004498-4

© Зайцев Б. К.
© Издательство «Детская
литература»

Содержание

Тихий свет	6
Преподобный Сергей Радонежский	15
Весна	17
Выступление	21
Отшельник	25
Игумен	29
Св. Сергей Чудотворец и наставник	34
Общежитие и тернии	37
Преподобный Сергей и церковь	45
Сергий и государство	49
Вечерний свет	55
Дело и облик	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Борис Зайцев Преподобный Сергей Радонежский (сборник)

© Михайлов О. Н., вступительная статья, комментарии, 2004

© Григорьев П., иллюстрации, 2004

© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2001

Тихий свет

Борис Константинович Зайцев

В богатой русской литературе XX века Зайцев оставил свой заметный след, создав художественную прозу, преимущественно лирическую, без желчи, живую и теплую. Тихий свет добра, простые нравственно-религиозные ценности, особенное чувство сопричастности всему сущему: каждый из нас – лишь частица природы, маленькое звено Космоса, «не себе одному принадлежит человек».

На формирование таланта писателя повлияло обаяние родной природы, впечатления «малой родины». Этот тульско-орловско-калужский край, который Зайцев именовал «Госканией нашей российской», он любил глубоко и нежно. И в ряде произведений своих, в том числе в художественных биографиях Тургенева и Жуковского, посвятил ему благодарные строки: «Ока берет начало несколько южнее Орла. Худенькая еще в Орле и скромная, скромно восходит прямо на север, к Калуге. Медленно, неустанно пронизывает извивами зеркальными Русь чрез Рязань до Волги – светлая душа страны... В необъятной России как бы область известной гармонии – те места Подмосковья, орловско-тульско-калужские, откуда чуть не вся русская литература и вышла».

Как прозаик и драматург Зайцев выдвинулся уже в начале 1900-х годов. Его роман «Голубая звезда» (1918) восхищался много позднее К. Паустовский: «Чтобы немного прийти в себя, я перечитывал прозрачные, прогретые немеркнущим светом любимые книги: «Вешние воды» Тургенева, «Голубую звезду» Бориса Зайцева, «Тристана и Изольду», «Манон Леско». Книги эти действительно сияли в сумерках киевских вечеров, как нетленные звезды». Пьеса «Усадьба Ланиных» стала вехой для вахтанговцев. И сейчас на Старом Арбате, в витрине театра, красуется афиша тех времен, возвещающая о премьере спектакля. Но главные книги Бориса Зайцева все-таки написаны за рубежом: автобиографическая тетралогия «Путешествие Глеба»; превосходные произведения, как мы именуем их теперь, художественно-биографического жанра – о Жуковском, Тургеневе, Чехове, житие Сергея Радонежского. Великолепный перевод дантовского «Ада». Италию Зайцев знал и любил, пожалуй, как никто из русских, после Гоголя. Дружил в эмиграции с Буниным, о котором оставил немало интересных страниц.

В течение многих лет я (О. М.) переписывался с Борисом Константиновичем. Началось с вопросов чисто литературных, а дальше заочное знакомство наше незаметно переросло, смею сказать, в дружбу, несмотря на разницу во всем, начиная с возраста. Русское начало его дарования, чистота лирического голоса, глубокая религиозность – все это я почувствовал в прозе Зайцева и полюбил ее.

Борис Константинович, человек исключительно молодой души. Конечно, «старый мир», «другая Россия», новую Россию не признавая. Но оттого, что мир Зайцева канул в Лету, не значит, без сомнения, будто в мире этом не было ничего ценного и важного для нас. Очень многое, преодолев барьеры времени, уже вошло и продолжает входить в нашу жизнь.

Взять хотя бы обращение Зайцева к молодым русским, прежде всего к русскому молодому литератору, написанное в 1960 году. Сколько в нем высказано поучительного (без назидательности) и для сегодняшнего, и для любого поколения, входящего в жизнь. «Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его! – призывал старый писатель. – Ах, как важно, чтобы Человек, живой, свободный, то, что называется личностью, не умирал. Пусть думает и говорит он своими думами, собственным языком, не заучивая прописей, добиваясь освободиться от них. Это не гордыня сверхчеловека. Это только свобода, отсут-

ствие рабства. Достоинство человека есть вольное следование пути Божию – пути любви, человечности, сострадания. Нет, что бы там ни было, человек человеку брат, а не волк. Пусть будущее все более зависит от действий массовых, от каких-то волн человеческого общения (общение необходимо и неизбежно, уединенность полная невозможна и даже грешна; «башня из слоновой кости» – грех этой башни почти в каждом из «нашего» поколения, так ведь и расплата же была за это) – но да не потонет личность человеческая в движениях народных. Вы, молодые, берегите себя, боритесь за это, уважайте образ Божий в себе и других, и благо вам будет...»

Это, можно сказать, не только заветы: это проповедь...

Как человек Борис Константинович был существом, можно сказать, евангелическим: доброта, ровность отношений с окружающими, обязательное участие в чужих бедах («Возлюби ближнего, как самого себя») – все это отмечалось многими знавшими его близко. Это сочеталось со скромностью и неприхотливостью. Когда дочь, Наталья Соллогуб, пригласила отца жить вместе (зять Зайцева занимал солидную должность в банке), Борис Константинович сообщал мне: «После кончины жены живу у дочери, в огромном особняке. Квартал самый нарядный в Париже (в двух шагах жили покойные Бунины, Мережковский и Гиппиус). Не совсем еще привык к «буржуазности». Вся жизнь эмигрантская прошла в условиях скромнейших. Поймал как-то даже себя на некоем внутреннем раздражении: все эти молчаливые полудворцы вокруг – это не мой мир... «Залетела ворона в высоки хоромы»...»

12 февраля 1972 года я получил «аэрограмму» от близкого знакомого Зайцевых – А. А. Сионского, который сообщал: «Начинаю письмо с печального известия. 28 января 1972 года, на 91-м году жизни тихо скончался Борис Константинович Зайцев. 2 февраля было совершено отпевание и похороны на русском православном кладбище, где уже была похоронена Вера Алексеевна. В парижском соборе Св. Александра Невского, где было отпевание и прощание с усопшим, собрался весь культурный Париж и другие почитатели Бориса Константиновича. Гроб утопал в цветах. Последний долг старейшему русскому писателю был отдан с глубоким благоговением, перед опусканием в могилу, рядом, где уже спит в ожидании своего друга жизни Вера Алексеевна. Теперь там собрались все великаны Русского Слова зарубежья.

За два дня до своей смерти Борис Константинович был парализован в левой части тела, но оставался в сознании. Умер он без страданий во время сна. Так закончилась жизнь этого замечательного русского человека...»

Другая и уже очень долгая жизнь Бориса Константиновича Зайцева продолжается в его книгах, которые выходят теперь на его родине, в горячо любимой им России.

О начале своего писательского пути, о первых исканиях в литературе Борис Константинович вспоминал в очерке 1957 года, который так и назывался «О себе»:

«Я начал с импрессионизма. Именно тогда, когда впервые ощутил новый для себя тип писания: «бессюжетный рассказ-поэму», с тех пор, считаю, и стал писателем. Мучительны томления юности, когда себя ищешь, не находишь, временами отчаиваешься, впадаешь во мрак и все кажется бессмысленным. Но уж, очевидно, через это надо пройти.

Мне было около двадцати лет. Писать хотелось, внутреннее давление росло. Но я знал, что не могу писать так, как тогда писали в толстых журналах «повести и рассказы». Долго довольно ходил вокруг да около, и наконец «это» пришло. Разумеется, новое уже носилось в воздухе. И собственная душа была уже душой XX, а не XIX века. Надо было только нечто в ней оформить».

Как и его старший товарищ и учитель по литературному цеху Леонид Андреев, Зайцев считал, что прежний реализм в его привычных бытовых формах уже изжил себя. 90-е годы XIX века казались унылыми: старые корифеи сошли со сцены (за исключением Л. Н. Толстого и физически угасавшего Чехова); новое виделось в символизме, импрес-

сионизме. В воздухе носились имена Бодлера, Верлена, Метерлинка, Верхарна, Ибсена, Гамсуна. В русской литературе заявили о себе Бальмонт, Брюсов, Федор Сологуб. Зайцев зачитывался философскими сочинениями Вл. Соловьева, который своими религиозно-идеалистическими трудами заметно повлиял на мирозерцание молодого писателя, а значит, и на его творчество.

«Многое, очень многое сдвинул в моей душе, – говорил в интервью Борис Константинович, – от пантеизма ранней юности моей повел дальше. Летом, живя в имении отца в Тульской губернии, в 70 верстах от Ясной Поляны Толстого, я зачитывался Соловьевым до восхода солнца. Косари выходили на покос, позвякивая косами, натачивая лезвия о бруску, а я выходил к крыльцу флигеля своего, приветствуя восходящее светило, – для меня символ Бога».

Одновременно живая и прочная связь соединяла Зайцева с молодым реалистическим крылом русской литературы, в частности с московским литературным объединением «Среда», куда входили Н. А. Телешов, Иван Бунин и его брат Юлий, В. В. Вересаев, критик Сергей Глаголь, наездами бывал М. Горький, реже А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Куприн. И конечно, выделялся Леонид Андреев. Вместе с Андреевым Зайцев составил как бы левый фланг «Среды».

В амальгаме живых, первородных впечатлений Центральной России, книжных философских влияний, воздействия разнородных – подчас взаимоисключающих – новых веяний в литературе и складывались первые произведения Зайцева: «В дороге», «Волки», «Мгла», «Священник Кронид», «Деревня», «Миф» и др. Первая книжка рассказов, вышедшая в 1906 году, подвела некоторые начальные итоги писателя и вызвала одобрительный отзыв А. Блока в его известной статье «О реалистах»: «Есть среди «реалистов» молодой писатель, который намеками, еще отдаленными пока, являет живую, весеннюю землю, играющую кровь и летучий воздух. Это – Борис Зайцев».

Пантеистическое начало в его ранних вещах ощутимо заметно: от него чувство слияния с природой, ощущение живого и восходящего к Космосу мира, где все взаимосвязано – люди, волки, поля, небо. Отсюда и некая «безличность» зайцевской прозы, о которой писал в своей характерной, заостренной и даже утрирующей манере Корней Чуковский в книге «От Чехова до наших дней»: «Грибы и телята, люди и страусы, и собаки, и яблоки, и рыбы, и медведи – все сливается для Зайцева в одно безликое, безглазое, сплошное животное, облепившее землю, текучее, плодоносящее, неоскудевающее чревом, без слов, без мыслей – прекрасное, упоительное именно своей сплошностью, безглазостью, бессмыслием».

В том же ключе анализирует Корней Иванович и рассказ 1905 года о доброй, чистой и светлой русской душе – отце Крониде: «Самое, казалось бы, индивидуалистическое произведение Зайцева – «Священник Кронид». Все-таки, хоть имя отдельное есть, хоть звание, хоть духовная деятельность, порою весьма прикосновенная к силлогизму.

Но прочтите этот рассказ; ведь священник Кронид для Зайцева вряд ли даже индивидуум. «Не один он действует тут, – говорит про него Зайцев, – за его плечами, вдаль идут поколения отцов и пращуров; все они трудились здесь».

Крепко, как коралл, врос Кронид в своих дедов, точно таких же, как он, «один в один», «сплошных», и в пятерку своих сыновей, «все здоровых, хороших дубов», точно таких же, как он, «один в один», «сплошных».

Даже имен этих сыновей не сказал нам Зайцев.

«Пятеро двуногих ждут, им хочется домой, поржать на весенней свободе; дома пекут куличи, ждет мамаша, приволье, церковь». Тем-то поэтичны они для Зайцева, что они двуногие, что все пятеро хотят ржать, «как один», и ни носа, ни глаз, ни вкусов, ни убеждений сами по себе, отдельно друг от друга, не имеют.

Событий в жизни Крониды Зайцев не знает...

Как это ни странно, но и богослужение у Зайцева выходит «сплошным», инстинктивным, почти зоологическим, и Кронид молится так, как молился бы «страус», «петел», «приветливый жеребенок»; и ни на минуту в молитве не выражает себя, а все то же «всемужицкое тело», «воблу».

Все время Зайцев о богослужении говорит так, будто это косьба или молотьба.

Служит Крон или даже не служит, а «работает» «исправно», «быстро», «просто», «много надо молиться и хлопотать: то читать Евангелие, то опять причащать и исповедовать»... И вся поэзия церковной службы для Зайцева в том, что это какое-то древнее, деревенское, всемужицкое «дело».

При всей утрированности, даже шаржированности в характеристике, какую дает Чуковский рассказу, в ней есть и зерно истины, которой не стоит пренебрегать. В то же время зайцевский пантеизм, его «язычество», в котором Чуковский находил нечто уитменовское (Уолт Уитмен – американский поэт, творчество которого проникнуто ощущением бесконечности времени и пространства. – *О. М.*), рубенсовскую «животную» веру, воплощен с помощью нежных словесных акварельных красок, импрессионистического письма, подсвеченного мягким авторским лиризмом.

Оригинальность, самобытность первых произведений Зайцева широко открывают ему двери изданий: газет «Утро России», «Речь», журналов «Правда», «Новый путь», «Вопросы жизни», «Золотое руно», «Перевал», «Русская мысль», «Вестник Европы», альманахов «Шиповник» и «Земля». Характерно, что его вещи печатаются в органах самых разных направлений – марксистской «Правде» и символистском «Золотом руне», либерально-радикальном «Мире Божиим» или «Русском богатстве» и неохристианском «Новом пути», который редактировал Д. С. Мережковский. Сам Зайцев не чувствовал себя жестко связанным с каким-либо из литературных направлений. Впрочем, он еще находился в пути, в движении, в поисках себя, шел через издержки и повторения, что отмечал А. Блок в статье «Литературные итоги 1907 года»: «Борис Зайцев открывает все те же пленительные страны своелирического сознания, тихие и прозрачные. И повторяется».

Движение Зайцева-художника, Зайцева-писателя в 1900-е годы можно определить как путь от модернизма к неореализму, от пантеизма к идеализму, к простой и традиционной русской духовности; от Леонида Андреева и Федора Сологуба – к Жуковскому и Тургеневу, к Сергию Радонежскому и Алексею Божиему человеку; от «языческих» метафор к спокойной уравновешенности и прозрачности слога.

Сам он это превосходно ощущал и, оглядываясь на пройденное, писал в 1957 году: «Когда сейчас перелистываешь написанное до революции и следишь за своим изменением во времени, то картина получается такая: возбужденность первых годов понемногу стихает. Стремись невольно расшириться, ввести в круг писания своего не только природу, стихию, но и человека – первые попытки психологии (но всегда с перевесом поэзии). Отходит полная бессюжетность. Вместо раннего пантеизма начинают проступать мотивы религиозные – довольно еще невнятно («Миф», «Изгнание») – все же в христианском духе. Этот дух еще ясней чувствуется в первом романе «Дальний край» (1912), полном молодой восторженности, некоторого простодушия наивного, – Италия вносит в него свой прозрачный звук. Критик назвал бы «Дальний край» романом «лирическим и поэтическим» (а не психологическим). К этой полосе относится пьеса «Усадьба Ланиных», с явным оттенком тургеневско-чеховского (всегда внутренне автору родственного), и также с перевесом мистического и поэтического над жизненным» («О себе»).

Характерным примером этого «срединного» Зайцева может служить рассказ «Аграфена» (1909) – «житие» простой русской крестьянки, попавшей в город, в услужение, и в деревню вернувшейся. Как бы русский вариант «Простой души» Г. Флобера, на другой национальной почве возросшей. Пронеслись через нее бури чувств, испытания и несчастья,

наступило успокоение, обретение света и осмысленности прожитой жизни. Полная противоположность «Жизни человека» Леонида Андреева, с ее беспросветным мраком, отчаянием, бесцельностью существования. На примере этом хорошо видно, как отходит Зайцев от модернизма к неореализму, можно сказать, религиозно-философского склада.

Если говорить о дореволюционном творчестве Зайцева, то итоговой по отношению к нему можно считать повесть «Голубая звезда» (1918), с ее центральным героем, бескорыстным и чистым мечтателем Христофоровым (Христофор – букв. «крестоносец» – имя нескольких святых и мучеников. – *О. М.*). Эту вещь, как сказал сам Зайцев, «могла породить лишь Москва, мирная и покорная, после – чеховская, артистическая и отчасти богемная». Дух и искания русской интеллигенции накануне великих социальных потрясений выражены в ней в слове прозрачном, создающем особенное, зайцевское, настроение.

Здесь и проявляется тайна его художественного дарования, магия его воздействия на читателя. То, о чем позднее говорил поэт и критик Г. Адамович: «Он не резонерствует, он крайне редко заставляет своих героев рассуждать, высказывать отвлеченные мысли. Бунин тоже этого не любил, а Зайцев любит еще меньше. Но в искусстве создавать то, что прежде было принято называть «настроением», Зайцеву едва ли найдутся соперники. Он обладает какой-то гипнотической силой внушения, и как порой ни хотелось сопротивляться этому чуть-чуть прохладному благодушию, этой нежности и печали, в конце концов, закрывая книгу, чувствуешь, что зайцевская тончайшая паутинка тебя опутала. Зайцев на все глядит по-своему, обо всем по-своему рассказывает, и хотим мы того или не хотим, этим «своим» он наделяет и читателя».

События двух революций и Гражданской войны явились тем потрясением, которое изменило окончательно и духовный, и художественный облик Зайцева. Он пережил немало тяжелого (в февральско-мартовские дни 1917 года в Петрограде был убит в толпе его племянник, офицер Измайловского гвардейского полка; по обвинению в заговоре большевики расстреляли пасынка, почти мальчика; сам Зайцев перенес лишения, голод, а затем и арест, как и другие члены Всероссийского комитета помощи голодающим). В 1922 году вместе с издателем З. И. Гржебиным он выехал в Берлин, за границу. Как оказалось, навсегда.

В отличие от многих других эмигрантов-литераторов, свой темперамент отдавших проклятиям новой России, события, приведшие Зайцева к изгнанию, его не озлобили. Напротив, они усилили в нем чувство греха, ответственности за содеянное и ощущение неизбежности того, что свершилось. Он, видимо, много размышлял обо всем пережитом, прежде чем пришел к непреклонному выводу: «Ничто в мире зря не делается. Все имеет смысл. Страдания, несчастья, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшем созерцании могут открыться как бесполезные. День и ночь, радость и горе, достижения и падения – всегда научают. Бессмысленного нет» («Москва»).

Писатели-эмигранты, писатели-беженцы, сохранив свою верность прежним идеалам, познали горькую бедность, окаянную неприкаянность, а главное – жесточайшую тоску по родине, по утраченной ими России. Но сохранили внутреннюю свободу. Вспоминая о временах более поздних – об оккупации Франции немцами в 1940 году и об условиях, в которых они оказались с Буниным, – Зайцев писал мне 18 июня 1967 года: «Все мы жили тогда несладко, и меня звали немцы печататься, и отказался, и никакого «героизма» здесь не было, но оба мы выросли в воздухе свободы (не улыбайтесь, Вас тогда еще и на свете не было), и никто нам не посмел бы диктовать что-то».

Каждый из них право на эту внутреннюю свободу выстрадал по-своему.

Пережитое, страдания и потрясения вызвали в Зайцеве религиозный подъем. С этой поры он жил и писал при свете Евангелия. Это сказалось даже на стиле, который сделался строже и проще, многое чисто художественное, эстетическое ушло – открылось новое. «Если бы сквозь революцию я не прошел, – размышлял писатель, – то, изжив раннюю свою манеру,

возможно, погрузился бы еще сильнее в тургеневско-чеховскую стихию. Тут угрожало бы повторение пройденного.

Теперь повторение не грозило. Обновленная стихия сострадания и человечности (но никак не очернения и отчаяния) пронизывает прозу о пореволюционной России – рассказы «Улица Св. Николая», «Белый свет», «Душа» (все написаны в Москве, в 1921 году). Одновременно Зайцев создает цикл новелл, далеких от современности, – «Рафаэль», «Карл V», «Дон Жуан» и пишет книгу «Италия» о стране, которую любил, превосходно знал (ездил туда в 1904, 1907, 1908, 1909-м и 1911 годах). Начинает перевод гениального творения Данте «Божественная комедия» («Ад»). Но о чем бы он ни писал – о Москве революционной или о великом живописце Возрождения, – тональность была единой, спокойной, почти летописной.

Итальянская тема в зайцевском творчестве проходит через всю его жизнь; но главной, всеопределяющей была, конечно, другая. «За ничтожными исключениями, – вспоминал Зайцев, – все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией дышит». Так появляются первые произведения, несущие в себе память о России, – романы и повести «Золотой узор» (1926), «Странное путешествие» (1926), «Дом в Пасси» (1935), «Анна» (1929), беллетризованные жизнеописания «Алексей Божий человек» (1925) и «Преподобный Сергей Радонежский» (1925).

Это уже новый и «окончательный» Зайцев, пишет ли он о пережитом, отошедшем («Золотой узор») или обращается к миру «русского Парижа», почему-то облюбовавшему квартал Пасси. («Живем на Пассях», – говорили эмигранты.) Качество духовное перешло и в художественное, в эстетику. «Давно было отмечено, – писал М. Цетлин, известный критик русского зарубежья, откликаясь на появление романа «Дом в Пасси», – что он не «бытовик», что он создал свой «мир». Этот зайцевский мир более бесплотен и одухотворен, чем обычный мир. И Зайцеву сравнительно легко преобразить в свой мир эмигрантскую неустоявшуюся, не спустившуюся в быт, неотжелевшую жизнь. Люди у Зайцева всегда были немного «эмигрантами», странниками на земле. Не то что Зайцеву недоступно и другое. Он может изобразить и хозяйственного латыша, и земную страстную девушку («Анна»). Но непрочная эмигрантская жизнь легче, без всякого несовпадения, входит в его «мир»...

Если говорить о позиции писателя, о взглядах его на расколовшийся, на отторгнутый от него мир взирающего, то это будет, говоря зайцевскими же словами, «и осуждение, и покаяние», «признание вины». Взгляд религиозный, хоть и в миру высказанный, кротость в соединении с твердостью взгляда. Это характерно и для первого крупного произведения, написанного в эмиграции, – романа «Золотой узор», и для небольшого очерка «Преподобный Сергей Радонежский». «Разумеется, – комментирует М. Цетлин, – тема эта никак не явилась бы автору и не завладела бы им в дореволюционные годы».

Читая жизнеописание Сергея Радонежского, отмечаешь одну особенность в его облике, Зайцеву, видимо, очень близкую. Это скромность подвижничества. Черта очень русская – недаром в жизнеописании своими чертами человеческими, самым качеством подвига ему противопоставляется другой, католический святой – Франциск Ассизский. Преподобный Сергей не отмечен особенным талантом, даром красноречия. Он «бедней» способностями, чем старший брат Стефан. Но зато излучает свой тихий свет – незаметно и постоянно. «В этом отношении, как и в других, – говорит Зайцев, – жизнь Сергея дает образ постепенного, ясного, внутренне здорового движения. Это непрерывное, недраматическое восхождение. Святость растет в нем органично. Путь Савла, вдруг почувствовавшего себя Павлом, – не его путь».

Сергий последовательно тверд и непреклонен – в своей кротости, смирении, скромности. Когда братия монастырская вдруг начала роптать, игумен не впал в гнев пастырский. Он, уже старик, взял посох свой и ушел в дикие места, где основал скит Киржач. И другу

своему, Митрополиту Московскому Алексию, не позволил возложить на себя золотой крест митрополичий: «От юности я не был златоносцем; а в старости тем более желаю пребывать в нищете».

Так завоевывает св. Сергей на Руси тот великий нравственный авторитет, который только и позволяет ему свершить главный подвиг жизни – благословить князя Дмитрия Московского на битву с Мамаем и Ордой татарской.

Преподобный Сергей Радонежский для Зайцева – неотъемлемая часть России, как и Жуковский, как и Тургенев, которым он посвятил биографические работы. И в этих книгах мысль о родине, о России надо всем торжествует.

«Как в России времен революции был я направлен к Италии, – вспоминал Зайцев, – так из латинской страны вот уже двадцать лет все пишу о России. Неслучайным считаю, что отсюда довелось совершить два дальних странствия – на Афон и на Валаам, на юге и на севере ощутить вновь родину и сказать о ней...»

Афон – южная святыня восточного православного мира – возникла, по преданию, ко времени Константина Великого и насчитывала до двухсот монастырей, несколько скитов и множество отдельных келий. До революции десятки тысяч паломников приезжали в это иноческое государство (куда не допускались не только женщины, но даже животные женского пола).

Очерки «Афон» (1927) и «Валаам» (1935) довершают портрет Зайцева – религиозного писателя-подвижника.

«Но вот писатель на Святой Горе, – комментирует «Афон» Зайцева Павел Грибановский, известный публицист русского Зарубежья. – Это «земной удел Богородицы». «Вторую тысячу лет не знает эта земля никого, кроме монахов. Около тысячи лет, постановлением монашеского Протата, не ступала на нее нога женщины»...

Следуя за писателем по монастырям, встречает читатель монахов греческих и русских, знакомится с историей Афона и его святых, слушает незатейливые рассказы о подвижниках нынешних. Попутно с этим может читатель вникать в богослужения, любоваться старыми храмами и афонской природою, может вдыхать ароматы, прислушиваться к шумам, радостно откликаться на малиновый звон колоколов русских. Не забывая о греческом, русский художник все же больше говорит о русском, и, прикасаясь к святости, ищет он и отражений старой России, тех самых, что хранятся здесь и в обстановке пустующих ныне гостиниц, и в размеренно-строгом укладе монастырской повседневности, и в древнем ритме славянских богослужений» («Борис Зайцев о монастырях»).

На склоне лет Зайцев мечтал издать книгу «Святая Русь», куда бы вошли очерки «Преподобный Сергей Радонежский», «Афон» и «Валаам». Этот третий очерк – о путешествии писателя в 1935 году к северной православной святыне – критика считала особенно удачным.

Откликаясь на появление «Валаама», Г. Адамович отмечал: «По самому характеру своего слога, по ритму своего творчества Зайцев в описании далекого, уединенного северного монастыря оказался в сфере, его вдохновляющей. Никто бы другой не нашел бы таких слов, таких эпитетов, создающих иллюзию, будто окружает человека не живой, крепкий суетный мир, а какой-то легчайший туман, вот-вот готовый рассеяться... Замечательно, что «Валаам» значительно глубже и цельнее афонских записок Зайцева... Не пришел ли Зайцеву на помощь Север?.. Природа тут укрепляет человека в его аскетическом лиризме, поддерживает его, а не искушает».

Да, именно Север, природа, близость любимой родины – все это вдохновило писателя и на завершение последней, четвертой книги «Путешествия Глеба» – «Древо жизни», и на создание очерка «Валаам». Его поездка в июле – сентябре 1935 года в «русскую Финляндию» вместе с постоянным тихим светом православия вызвала и новую вспышку ностальгической

тоски по России, и признание сыновней любви к ней. Недаром в письме другу и любимому художнику, Бунину, темы эти проходят лейтмотивом.

«Скоро уже два месяца, как мы в отъезде, дорогой Иван! – сообщал Борис Константинович в письме от 1 сентября 1935 года из Келломяк, на берегу Балтийского залива. – И недалеко время, когда будем «грузиться» назад. Пока что путешествие наше удалось **редкостно**. Начиная с безоблачного плавания, удивительного приема здесь и вплоть до вчерашнего дня, когда был совершенно райский русский день. На Валааме провели девять дней. Много прекрасного и настоящего. (Остров весь в чудесных лесах, прорезан заливами и озерами. Луга, цветы, по дорогам часовенки. Скиты, старички-отшельники – много общего с Афоном. Мы иногда целыми днями слонялись. Жаль только, что масса туристов. В мон[астырской] гостинице толчея.)

Уже три недели живем вновь в Келломяках – в немолодом, огромном доме. Теперь тут пансион. В авг[усте] (первой половине) было порядочно народу, сейчас мы одни. У нас две комнаты (и отдельный крытый балкон в цветах) выходят в зелень. Это была усадьба. Перед моим окном сад, яблони, цветы, дальше сосны, дорога – и море. Виден Кронштадт. Это очень волновало первое время. Теперь привыкли. Иван, сколько здесь России! Пахнет покосом, только что скосили отаву в саду, Вера трясла и стребала сено, вчера мы с ней ездили на чалом мерине ко всеобщей в Куоккалу, ременные вожжи, запах лошади, все эти чересседельники и хомуты... (Вечером идешь по аллее: яблони, цветут настурции, флоксы, георгины. Вдали, в темноте, лампа зажжена на стеклянной террасе... Притыкино¹.) И еще: запахи совсем русские: остро-горький – болотцем, сосной-березой. Вчера у куоккальской церкви – она стоит в сторонке – пахло ржами. И весь склад жизни тут русский, довоенный. <...>

Были ужасающие грозы – дней пять подряд. Сейчас хорошо! Мечтаю о сухом и солнечном сентябре, последние дни прекрасно. Хожу по лесу, собираю грибы (как Сергей Иванович Кознышев².) Дятлы работают нынешней осенью замечательно! Эти прогулки доставляют давно не испытанную радость – от елей, мха, дятлов, грибов и всего того добра, чем так Россия богата. Да, тут я понял, что очень мы отвыкли от русской природы, а она удивительна и сидит в нашей крови, никакими латинскими странами ее не вытравишь».

Странник на путях духовных, Зайцев странствует и в путях духовных, и в путях земных. И недаром свою автобиографическую тетралогия («Заря», «Тишина», «Юность», «Древо жизни») он называет «Путешествие Глеба», где даже имя героя прозрачно намекает на другого русского святого, неразрывно с Глебом связанного, – Бориса, так же павшего от руки убийц, подосланных Святополком Окаянным.

Заветом остаются слова Бориса Зайцева будущим поколениям: «Любить – не значит превозноситься. Сознать себя «помнящими родство» – не значит ненавидеть или презирать иной народ, иную культуру, иную расу. Свет Божий просторен, всем хватит места. В имперском своем могуществе Россия объединяла и в прошлом. Должна быть терпима и не исключительна в будущем, – исходя именно из всего своего духовного прошлого: от святых ее до великой литературы все говорили о скромности, милосердии, человеколюбии. И не только говорили.

Святые юноши – князья Борис и Глеб, например, – первые страстотерпцы наши, подтвердили это самой мученической своей смертью, завещав России свой «образ кротости». Этого забывать нельзя. Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти».

В пору смуты и шатания нравственных устоев заветы Бориса Зайцева особенно поучительны. Немало великих уроков добра таят в себе страницы его произведений, от которых веет тихим светом милосердия.

¹ Притыкино – имение отца, где подолгу жил Зайцев.

² Кознышев – персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Олег Михайлов

Преподобный Сергей Радонежский

Св. Сергей родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушел одной из величайших слав России.

Как святой, Сергей одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому.

Сергий жил во времена татарщины. Лично его она не тронула: укрыли леса радонежские. Но он к татарщине не пребыл равнодушен. Отишельник, он спокойно, как все делал в жизни, поднял крест свой за Россию и благословил Димитрия Донского на ту битву, Куликовскую, которая для нас навсегда примет символический, таинственный оттенок. В поединке Руси с Ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России.

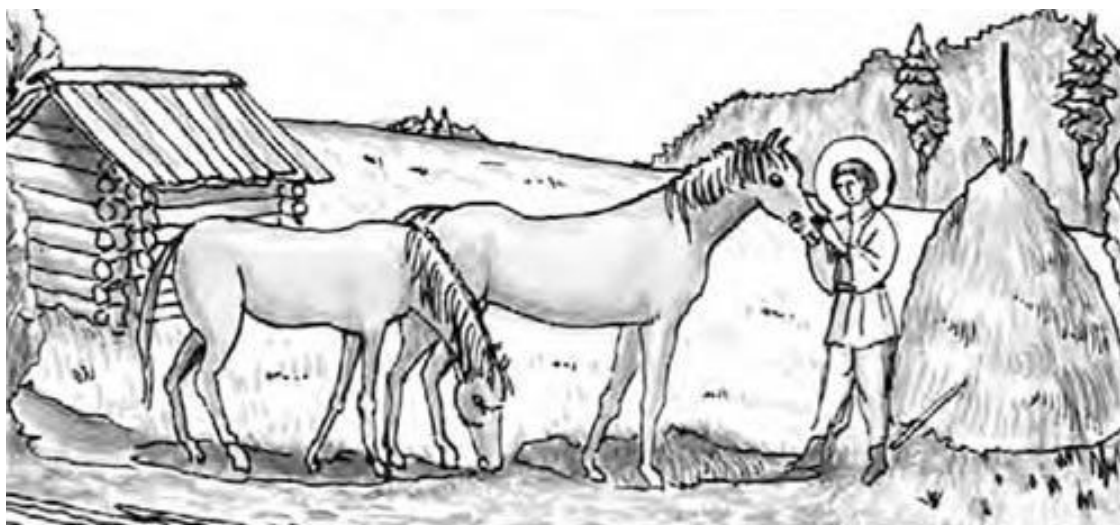
Да, Сергей был не только созерцатель, но и деятель. Правое дело, вот как понимали его пять столетий. Все, кто бывал в Лавре, поклоняясь мощам Преподобного, всегда ощущали образ величайшего благообразия, простоты, правды, святости, покоящийся здесь. Жизнь «бесталанна» без героя. Героический дух Средневековья, породивший столько святости, дал здесь блистательное свое проявление.

Автору казалось, что сейчас особенно уместен опыт – очень скромный – вновь, в меру сил, восстановить в памяти знающих и рассказать незнающим дела и жизнь великого святителя и провести читателя чрез ту особенную, горную страну, где он живет, откуда светит нам немеркнувшей звездой.

Присмотримся же к его жизни.

Париж, 1924 г.

Весна

Детство Сергия, в доме родительском, для нас в тумане. Все же общий некий дух можно уловить из сообщений Епифания, ученика Сергия, первого его биографа³.

По древнему преданию, имение родителей Сергия, бояр Ростовских Кирилла и Марии, находилось в окрестностях Ростова Великого, по дороге в Ярославль. Родители, «бояре знатные», по-видимому, жили просто, были люди тихие, спокойные, с крепким и серьезным складом жизни. Хотя Кирилл не раз сопровождал в Орду князей Ростовских, как доверенное, близкое лицо, однако сам жил небогато. Ни о какой роскоши, распушенности позднейшего помещика и говорить нельзя. Скорей, напротив, можно подумать, что домашний быт ближе к крестьянскому: мальчиком Сергия (а тогда – Варфоломея) посылали за лошадьми в поле. Значит, он умел и спутать их, и обротать. И, подведя к какому-нибудь пню, ухватив за челку, вспрыгнуть, с торжеством рысцою гнать домой. Быть может, он гонял их и в ночное. И конечно, не был барчуком.

Родителей можно представить себе людьми почтенными и справедливыми, религиозными в высокой степени. Известно, что особенно они были «страннолюбивы». Помогали бедным и охотно принимали странников. Вероятно, в чинной жизни странники – то начало ищущее, мечтательно-противящееся обыденности, которое и в судьбе Варфоломея роль сыграло.

³ *Епифаний* – монах Троице-Сергиевой Лавры. В молодости путешествовал на Восток, был в Иерусалиме. Просвещенный человек, довольно искусный писатель, склонный к ораторству и многословию, как по его временам и полагалось. Был дружен со св. Стефаном Пермским, житие которого тоже написал. При жизни Преп. Сергия – он диакон («Преп. Епифаний Премудрый, ученик св. Сергия Чудотворца»). Автор древнейшего, написанного по личным впечатлениям, рассказам Преподобного и близких к нему, жития Сергия, главнейшего источника наших сведений о святом. Написано оно не позже 25–30 лет по смерти Сергия. Труд этот дошел до нас в обработке серба Пахомия. Пахомий кое-что сократил в житии, кое-что добавил. По желанию троицких властей, по-видимому, было выброшено место, сохранившееся в Никоновской летописи из подлинного жития: после введения общежития некоторые монахи ушли вовсе из монастыря. Это место могло быть неприятно для монастырских властей XV в. – Епифаний умер в 1420 г., приблизительно 75 лет. Не менее 16–17 лет провел при святом.

Есть колебания в годе рождения святого: 1314–1322⁴. Жизнеописатель глухо, противоречиво говорит об этом.

Как бы то ни было, известно, что 3 мая у Марии родился сын. Священник дал ему имя Варфоломея, по дню празднования этого святого.

Особенный оттенок, отличающий его, лежит на ребенке с самого раннего детства.

Семи лет Варфоломея отдали учиться грамоте, в церковную школу, вместе с братом Стефаном. Стефан учился хорошо. Варфоломею же наука не давалась. Как и позже Сергей, маленький Варфоломей очень упорен и старается, но нет успеха. Он огорчен. Учитель иногда его наказывает. Товарищи смеются, и родители усовещивают. Варфоломей плачет одиноко, но вперед не двигается.

⁴ Хронология жизни Пр. Сергея. – О рождении Сергея Епифаний говорит неопределенно: «...в княжение великое Тверское, при Великом Князе Дмитрии Михайловиче, при Архиепископе Петре, Митрополите всея Руси, егда рать Ахмулова бысть». В. Князем Дмитрий Мих. сделался в 1322 г., Ахмыл ордынский грабил низовые города в том же году, Митр. Петр 1308–1326 гг. Исходя из этого Митроп. Макарий, Ключевский, Иловайский и иером. Никон, автор обширного труда о Сергии, принимают год его рождения – 1319. С другой стороны – Митр. Филарет, П. С. Казанский и новейший исследователь проф. Голубинский считают – 1313 – 14. Они основываются на указании того же Епифания, что Преподобный умер 78 лет, год же смерти его, 1392, не возбуждает сомнений. По Казанскому, – гораздо прочнее опираться на этот факт: Сергей, наверно, не раз говорил старцам о том, сколько ему лет. Епифаний жил при Сергии последн. годы и мог лично это слышать. Таким образом, Епифаний противоречит себе: исходя из него с одинаковым правом можно принять и 1313-14 – 1319-22. Защитники 1319-го сомневаются в подлинности упоминания о 78 годах жизни Сергия, Ключевский и Архим. Леонид считают это место позднейшей вставкой (анализ стиля). Но Голубинский думает, что сама вставка все же взята Пахомием из текста Епифания, и лишь неловко сделана, при сокращении. Положиться на Епифания в хронологии вообще довольно трудно, т. к. он делает, напр., явную ошибку, относя рождение Сергия ко времени Патр. Каллиста (а тот был от 1330 по 1362). Так что вопрос, в сущности, не решен, но в лице проф. Голубинского новейшее исследование склоняется довольно упорно к 1314 году, смело исправляя дальнейшие указания и Епифания, и Никоновой летописи.

И вот, деревенская картинка, так близкая, и так понятная через шестьсот лет*⁵ Забрели куда-то жеребята⁶, и пропали. Отец послал Варфоломея их разыскивать. Наверно, мальчик уж не раз бродил так, по полям, в лесу, быть может, у побережья озера ростовского, и кликал их, похлопывал бичом, волочил недоуздки. При всей любви Варфоломея к одиночеству, природе, и при всей его мечтательности, он, конечно, добросовестнейше исполнял всякое дело – эту чертой отмечена вся его жизнь.

Теперь он – очень удрученный неудачами – нашел не то, чего искал. Под дубом встретил «старца черноризца, саном пресвитера». Очевидно, старец его понял.

– Что тебе надо, мальчик?

Варфоломей сквозь слезы рассказал об огорчениях своих, и просил молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту.

И под тем же дубом стал старец на молитву. Рядом с ним Варфоломей – через плечо недоуздки. Окончив, незнакомец вынул из-за пазухи ковчежец, взял частицу просфоры, благословил ею Варфоломея и велел съесть.

– Это дается тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания. Отныне овладеешь грамотою лучше братьев и товарищей.

О чем они беседовали дальше, мы не знаем. Но Варфоломей пригласил старца домой. Родители приняли его хорошо, как и обычно странников. Старец позвал мальчика в молельную, и велел читать псалмы. Ребенок отговаривался неумением. Но посетитель сам дал книгу, повторивши приказание.

Тогда Варфоломей начал читать, и все были поражены, как он читает хорошо.

А гостя накормили, за обедом рассказали и о знамениях над сыном. Старец снова подтвердил, что теперь Варфоломей хорошо станет понимать Св. Писание и одолеет чтение. Затем прибавил: «Отрок будет некогда обителем Пресв. Троицы; он многих приведет за собой к разумению Божественных заповедей».

С этого времени Варфоломей двинулся, читал уже любую книгу без запинки, и Епифаний утверждает – даже обогнал товарищей.

В истории с его учением, неудачами и неожиданным, таинственным успехом, видны в мальчишке некоторые черты Сергия: знак скромности, смирения есть в том, что будущий святой не мог естественно обучиться грамоте. Заурядный брат его Стефан лучше читал, чем он, его больше наказывали, чем обыкновеннейших учеников. Хотя биограф говорит, что Варфоломей обогнал сверстников, но вся жизнь Сергия указывает, что не в способностях к наукам его сила: в этом ведь он ничего не создал. Пожалуй, даже Епифаний, человек образованный и много путешествовавший по св. местам, написавший жития свв. Сергия и Стефана Пермского, был выше его как писатель, как ученый. Но непосредственная связь, живая, с Богом, обозначилась уж очень рано у малоспособного Варфоломея. Есть люди, внешне так блестяще одаренные – нередко истина последняя для них закрыта. Сергей, кажется, принадлежал к тем, кому обычное дается тяжело, и посредственность обгонит их – зато необычайное раскрыто целиком. Их гений в иной области.

И гений мальчика Варфоломея вел его иным путем, где менее нужна наука: уже к порогу юности отшельник, постник, инок ярко проступили. Больше всего любит он службы, церковь, чтение священных книг. И удивительно серьезен. Это уже не ребенок.

Главное же: у него является *свое*. Не потому набожен, что среди набожных живет. Он впереди других. Его ведет – призвание. Никто не принуждает к аскетизму – он становится аскетом и постится среды, пятницы, ест хлеб, пьет воду, и всегда он тихий, молчаливый, в

⁵ Слова и выражения, помеченные в тексте «звездочками», см. в комментариях в конце издания.

⁶ О жеребятах: «на взыскание клюсят» – очень старинное слово, собств. «лошадей». Епифаний любил такие архаизмы, иногда щегалял даже знанием греческого языка. О медведе, например, выражается: «зверь, рекомый *аркуда*, еже скажется медведь».

обхождении ласковый, но с некоторой *печатью*. Одет скромно. Если же бедняка встретит, отдает последнее.

Замечательны и отношения с родными. Конечно, мать (а может, и отец) давно почувствовала в нем особенное. Но вот, казалось, что он слишком изнуруется. Она его упрашивает не насиловать себя. Он возражает. Может быть, из-за его дарений тоже выходили разногласия, упреки (лишь предположение): но какое чувство меры! Сын остается именно *послушным сыном*, житие подчеркивает это, да и факты подтверждают. Находил Варфоломеем гармоничность, при которой был самим собой, не извращая облика, но и не разрывая с то же, очевидно, ясными родителями. В нем не было экстаза, как во Франциске Ассизском*. Если бы он был блаженным, то на русской почве это значило б: юродивый. Но именно юродство ему чуждо. Живя, он с жизнью, семьей, духом родного дома и *считался*, как и с ним семья считалась. Потому к нему неприменима судьба бегства и разрыва.

А внутренне, за эти годы отрочества, ранней юности, в нем накаплилось, разумеется, стремление уйти из мира низшего и среднего в мир высший, мир незамутненных созерцаний и общения непосредственного с Богом.

Этому осуществиться надлежало уж в других местах, не там, где проходило детство.

Выступление

Трудно вообще сказать, когда легка была жизнь человеческая. Можно ошибиться, называя светлые периоды, но в темных, кажется, погрешности не сделаешь. И без риска станешь утверждать, что век четырнадцатый, времена татарщины, ложились камнем на сердце народа.

Правда, страшные нашествия тринадцатого века прекратились. Ханы победили, властвовали. Относительная тишина. И все же: дань, баскаки, безответность и бесправность даже пред татарскими купцами, даже перед проходимцами монгольскими, не говоря уж о начальстве. И чуть что – карательная экспедиция: «егда рать Ахмулова бысть», «великая рать Туралыкова»*, – а это значит: зверства, насилия, грабеж и кровь.

Но и в самой России шел процесс мучительный и трудный: «собрание земли». Не очень чистыми руками «собирали» русскую землю Юрий и Иван (Калита) Даниловичи*. Глубокая печаль истории, самооправдание насильников – «все на крови!». Понимал или нет Юрий, когда при нем в Орде месяц водили под ярмом его соперника, Михаила Тверского*, что делает дело истории, или Калита, предательски губя Александра Михайловича*? «Высокая политика», или просто «растили» свою вотчину московскую – во всяком случае, уж не стеснялись в средствах. История за них. Через сто лет Москва неизбежно поднялась *над* удельною сумятицей, татар сломила и Россию создала.

А во времена Сергея картина получалась, например, такая: Иван Данилыч выдает двух дочерей – одну за Василия Ярославского, другую – за Константина Ростовского – и вот и Ярославль, и Ростов подпадают Москве. «Горько тогда стало городу Ростову, и особенно князьям его. У них отнята была всякая власть и имение, вся же честь их и слава потягнули к Москве».

В Ростов, воеводою, прибыл некий Василий Кочева, «и с ним другой, по имени Мина». Москвичи ни перед чем не останавливались. «Они стали действовать полновластно, притесняя жителей, так что многие ростовцы принуждены были отдавать москвичам свои имущества поневоле, за что получали только оскорбления и побои, и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпели они: дерзость московских воевод дошла до того, что они повесили вниз головою ростовского градоначальника, престарелого боярина Аверкия... и оставили на поругание. Так поступали они не только в Ростове, но по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался. Говорили... что Москва тиранствует».

Итак, разоряли и чужие, и свои. Родители Варфоломея, видимо, попали под двойное действие, и если Кирилл тратился на поездки в Орду с князем (а к поездкам относились так, что, уезжая, оставляли дома завещания), если страдал от «Туралыковой великой рати», то, конечно, Мины и Кочевы тоже были хороши. На старости Кирилл был вовсе разорен и лишь о том мечтал, куда бы выйти из Ростовской области.

Он вышел поселенцем в село Радонеж, в 12 верстах от Троице-Сергиевой Лавры⁷. Село Радонежское досталось сыну Калиты, Андрею, а за малолетством его Калита поставил там наместником Терентия Ртища. Желая заселить дикий и лесистый край, Терентий дал переселенцам из других княжеств льготы, что и привлекло многих. (Епифаний упоминает густые имена ростовцев: Протасий Тысяцкий, Иоанн Тормасов, Дюдения и Онисим, и др.)

Кирилл получил в Радонеже поместье, но сам служить уже не мог, по старости. Его замещал сын Стефан, женившийся еще в Ростове. Младший сын Кирилла Петр тоже

⁷ Переселение родителей Преподобного в Радонеж, по Епифанию, – 1330-31 г. Еще в Ростове, уговаривая мальчика не поститься чрезмерно, мать Сергея говорила: «Тебе нет еще двенадцати лет от роду, а ты уже рассуждаешь о грехах». В Радонеж перебрались позже, след., в 1330-31 Сергию не могло быть меньше 14–15 лет. Если же принять год его рождения 1319-22, то выйдет, что из Ростова он уехал 8-10 лет – косвенное подтверждение взгляда о 1314 годе.

женился. Варфоломей продолжал прежнюю жизнь, лишь настоятельней просился в монастырь. Если всегда его душа была отмечена особенным влечением к молитве, Богу и уединению, то можно думать, что и горестный вид жизни, ее насилия, неправды и свирепость лишь сильнее укрепляли его в мысли об уходе к иночеству. Возможно, что задумчивый Варфоломей, стремясь уйти, и чувствовал, что начинается дело крупное. Но представлял ли ясно, что задуманный им подвиг не одной его души касается? Что, уходя к медведям радонежским, он приобретает некую опору для воздействия на жалкий и корыстный мир? Что, от него отказываясь, начинает длительную, многолетнюю работу просветления, облагораживания мира этого? Пожалуй, вряд ли. Слишком был он скромен, слишком погружен в общение с Богом.

В самой истории ухода снова ярко проявился ровный и спокойный дух Варфоломея.

Отец просил его не торопиться.

– Мы стали стары, немощны; послужить нам некому; у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты стараешься угодить Господу. Но твоя благая часть не отнимется, только послужи нам немного, пока Бог возьмет нас отсюда; вот, проводи нас в могилу, и тогда никто не возбранит тебе.

Варфоломей *послушался*. Св. Франциск ушел, конечно бы, отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига. Варфоломей сдержался. Выжидал.

Как поступил бы он, если бы *надолго* затянулось это положение? Наверное, не остался бы. Но, несомненно, как-нибудь с достоинством устроил бы родителей и удалился бы без бунта. Его тип иной. А отвечая типу, складывалась и судьба, естественно и просто, без напора, без болезненности: родители сами ушли в монастырь (Хотьковский, в трех верстах от Радонежа; он состоял из мужской части и женской)⁸. У Стефана умерла жена, он тоже принял монашество, в том же Хотькове. А затем умерли родители. Варфоломей мог свободно осуществить замысел.

Он так и сделал. Верно, все-таки привязан был к семье: и в этот час, последний пребывания в миру, вспомнил о Петре, брате, имущество оставшееся завещал ему. Сам же отправился в Хотьков, к Стефану. Как будто не хотелось действовать и тут без одобренья старшего. Стефана убедил, и вместе тронулись они из Хотькова в недалекие леса.

Лесов тогда было достаточно. Стоило пожелать, и где угодно можно было ставить хижину, копать пещеру и устраиваться. Не вся земля принадлежала частным лицам. Если собиралось несколько пустынников и нужно было ставить церковь, прочно оседать, то спрашивали разрешение князя и благословенье у местного святителя. Освящали церковь – и обитель возникала.

Варфоломей и Стефан выбрали место в десяти верстах от Хотькова. Небольшая площадь, высившаяся как маковка, позже и названная Маковицей. (Преподобный говорит о себе: «аз есмь Сергие Маковский».) Со всех сторон Маковица окружена лесом, вековыми соснами и елями. Место, поразившее величием и красотой. Летопись же утверждает, что вообще это особенный пригорок: «глаголеть же древний, видяху на том месте прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху».

⁸ Прямое свидетельство, что Кирилл и Мария ушли в Хотьковский монастырь, нет. Но они там погребены, из чего и заключают, что в Хотькове они жили. Древность знала монастыри для монахов и монахинь, общие. Соборное определение 1504 г. запретило это. – Родителям Пр. Сергия при их предсмертном пострижении в монашество, вероятно, были изменены имена. Кирилл и Мария – мирские имена или монашеские? Известный историк Церкви, автор специального труда о Сергии проф. Голубинский считает, что вернее – монашеские.

Тут братья поселились. Сложили из ветвей шалаш («прежде себе сотвориста одриную хизину и покрыста ю»), потом срубили келийку и «церквицу». Как они это делали? Знали ли плотничество? Вероятно, здесь, на Маковице, пригласив плотника со стороны, и учились рубить избы «в лапу». В точности мы этого не знаем. Но в подвижничестве Сергия дальнейшем это плотничество русское, и эта «лапа» очень многозначительна. В сосновых лесах он возрос, выучился ремеслу, через столетия сохранил облик плотника-святого, неустанного строителя сеней, церквей, келий, и в благоуханьи его святости так явствен аромат сосновой стружки. Поистине преподобный Сергей мог считаться покровителем этого великорусского ремесла.

Как осторожен и нетороплив Варфоломей в выполнении давнего намеренья, так же он скромнен и в вопросе с церковью. Как назовут ее? Он обращается к Стефану. Стефан вспомнил слова таинственного старца, встреченного им под дубом: церковь должна быть во имя Св. Троицы. Варфоломей принял это. Так дело его жизни, столь уравновешенно-покойное, приняло покровительство Троицтва, глубочайше внутренне-уравновешенной идеи христианства. Далее мы увидим, что у Сергия был культ Богородицы. Но все-таки в пустынях Радонежа не Пречистая и не Христос, а Троица вела святого.

Митрополит Феогност*, к которому отправились они, пешком, в Москву, благословил их и послал священников с антиминсом мощами мучеников – церковь освятили.

Братья продолжали жить на своей Маковице. Но жизнь их не совсем ладилась. Младший оказался крепче и духовней старшего. Стефану пришлось трудно. Может быть, он и вообще пошел в монахи под влиянием смерти жены. Возможно (и почти наверно) – у него характер тяжкий. Как бы то ни было, Стефан не выдержал – суровой и действительно «пустынной» жизни. Ведь уединение полнейшее! Едва достать необходимейшее. Пили воду,

ели хлеб, который приносил им, временами, вероятно, Петр. Даже пройти к ним нелегко – дорог, да и тропинок не было.

И Стефан ушел. В Москву, в Богоявленский монастырь, где жили легче. Варфоломей же в полном одиночестве продолжал полуночный свой подвиг.

Отшельник

Недалеко от пустыни жил игумен-старец Митрофан⁹, которого Варфоломей, по-видимому, знал и ранее. В летописи есть упоминание, что Варфоломей «на обедню призываша некоего чюжого попа суца саном или игумена старца, и веляше творити литургию». Возможно, именно игумен Митрофан и приходил к нему для этого. Однажды он попросил игумена пожить с ним в келии некоторое время. Тот остался. И тогда отшельник открыл желание свое – стать иноком. Просил о пострижении.

Игумен Митрофан 7 октября постриг юношу¹⁰. В этот день Церковь празднует свв. Сергия и Вакха, и Варфоломей в монашестве стал Сергием, – воспринял имя, под которым перешел в Историю.

Совершив обряд пострижения, Митрофан приобщил Сергия Св. Тайн. Затем остался на неделю в келии. Каждый день совершал литургию, Сергей же, семь дней не выходя, провел в «церквице» своей, молился, ничего не «вкушал», кроме просфоры, которую давал Митрофан. Всегда такой трудолюбивый, теперь Сергей, чтобы не развлечься, прекратил всякое «поделение». С уст его не сходили псалмы и песни духовные. А когда пришло время Митрофану уходить, просил его благословения на жизнь пустынную:

– Ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким. Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова Пророка: се удалихся бегая и водворихся в пустыне. Благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении.

Игумен поддержал его и успокоил, сколько мог. И молодой монах один остался среди сумрачных своих лесов.

Можно думать, что это – труднейшее для него время. Тысячелетний опыт монашества установил, что тяжелее всего, внутренне, первые месяцы пустытника. Нелегко усваивается аскетизм. Существует целая наука духовного самовоспитания, стратегия борьбы за *организованность* человеческой души, за выведение ее из пестроты и суетности в строгий канон. Аскетический подвиг – выглаживание, выпрямление души к единой вертикали. В таком облике она легчайше и любовнейше соединяется с Первоначалом, ток божественного беспрепятственной бежит по ней. Говорят о теплопроводности физических тел. Почему не назвать духопроводностью то качество души, которое дает ощущать Бога, связывает с Ним. Кроме избранничества, благодати, здесь культура, дисциплина. Видимо, даже натуры, как у Сергия, ранее подготовленные, не так скоро входят в русло и испытывают потрясения глубокие. Их называют искушениями.

⁹ «Допускалось, чтобы священниками приходских церквей служили иеромонахи; если эти иеромонахи были и духовниками окрестного населения (право духовничества давалось не всем священникам, а только достойнейшим), то они назывались игуменами, игуменами-старцами; эти игумены-старцы могли постригать в монахи желающих монашествовать (не в монастырях, где были свои игумены, а при мирских церквях, в мирских домах, вообще в миру, что тогда допускалось)» (Голубинский). Таким образом, «игумен-старец Митрофан» не был игуменом монастыря, а, по-видимому, именно сельским иеромонахом-духовником, имевшим право пострижения.

¹⁰ Пострижение Сергия и освящение «церквицы»: «священа бысть церкви при Великом Князе Симеоне Ивановиче, мноу убо, еже рещи в начало княжения его». Если принять это свидетельство, то выйдет, что пострижение Преподобного относится к сороковым годам (по иером. Никону, освящение церкви 1340, пострижение – 1342 г.). Но сторонники более ранней даты *рождения* Сергия придвигают на неск. лет ближе и дату *пострижения*. Известно, что Сергей принял постриг на 23-м году жизни. Исходя из года рождения в 1314 – получим 1337. В подтверждение приводят еще следующее: Стефан присутствовал при освящении «церквицы», а затем ушел от Сергия в Богоявленский монастырь в Москве. Там застал св. Алексия, с которым некоторое время и прожил. Алексия в 1340 году вызвали уже к Митр. Феогносту, и он оставил монастырь. Значит, жить вместе, и узнать друг друга они могли только ранее 1340 года, а значит и ушел Стефан, и освятили церковь, и постригли Сергия – раньше. Утверждение же Епифания «при В. К. Симеоне» сделано с оговоркой «мноу убо», и как не категорическое – отвергается. (Иеромонах Никон, впрочем, считает оговорку относящейся ко второй половине фразы – «в начало княжения его».)

Если человек так остро напрягается вверх, так подчиняет пестроту свою линии Бога, он подвержен и отливам, и упадку, утомлению. Бог есть сила, дьявол – слабость. Бог – выпуклое, дьявол – вогнутое. У аскетов, не нашедших еще меры, за высокими подъемами идут падения, тоска, отчаяние. Ослабшее воображение впадает в вогнутость. Простое, жизненно-приятное кажется обольстительным. Духовный идеал – недостижимым. Борьба безнадежной. Мир, богатство, слава, женщина... – и для усталого миражи возникают.

Отшельники прошли через это все. Св. Василий Великий*, вождь монашества, оставил наставление пустынноикам в борьбе со слабостями. Это – непрерывное тренирование духа, – чтение слова Божия и житий святых, ежевечернее размышление о своих мыслях и желаниях за день (examen de conscience католиков), мысли о смерти, пост, молитва, воспитание в себе чувства, что Бог непрерывно за тобою смотрит, и т. д.

Св. Сергей знал и пользовался наставлениями кесарийского епископа, но все же подвергался страшным и мучительным видениям. Жизнеописатель говорит об этом. Возникали пред ним образы зверей и мерзких гадов. Бросались на него со свистом, скрежетом зубов. Однажды ночью, по рассказу Преподобного, когда в «церквице» своей он «пел утреню», чрез стену вдруг вошел сам сатана, с ним целый «полк бесовский». Бесы были все в острокопечных шапках, на манер литовцев¹¹. Они гнали его прочь, грозили, наступали. Он молился. («Да воскреснет Бог, и да расточатся враги Его».) Бесы исчезли.

В другой раз келия наполнилась змеями, – даже пол они закрыли. Снаружи раздался шум, и «бесовские полчища» как будто пронеслись по лесу. Он услышал крики: «Уходи же, прочь! Зачем пришел ты в эту глушь лесную, что хочешь найти тут? Нет, не надейся долее здесь жить: тебе и часа тут не провести; видишь, место пустое и непроходимое; как не боишься умереть здесь с голоду или погибнуть от рук душегубцев-разбойников?»

Видимо, более всего подвергался Сергей искушению страхом, на древнем, мило-наивном языке: «страхованием». Будто слабость, куда он впадал, брошенный братом, была: сомнение и неуверенность, чувство тоски и одиночества. Выдержит ли, в грозном лесу, в убогой келии? Страшны, наверно, были осени и зимние метели на его Маковице! Ведь Стефан не выдержал же. Но не таков Сергей. Он упорен, терпелив, и он «боголюбив». Прохладный и прозрачный дух. И с ним Божественная помощь, как отзыв на тяготенье. Он одолевает.

Другие искушения пустынноиков как будто миновали его вовсе. Св. Антоний в Фиваиде мучился томлением сладострастия*, соблазном «яств и питий». Александрия, роскошь, зной Египта и кровь юга мало общего имеют с Фиваидой северной. Сергей был всегда умерен, прост и сдержан, не видал роскоши, распущенности, «прелести мира». Святитель-плотник радонежский огражден от многого – суровою своею страной и чинным детством. Надо думать, что вообще пустынный искус был для него легче, чем давался он другим. Быть может, защищало и природное спокойствие, ненадломленность, неэкстатичность. В нем решительно ничего нет болезненного. Полный дух Св. Троицы вел его суховатым, одиноко-чистым путем среди благоухания сосен и елей Радонежа.

Так прожил он, в полном одиночестве, некоторое время. Епифаний не ручается за точность. Просто и прелестно говорит он: «Пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу или две лете, или боле или меньши, Бог весть». Внешних событий никаких. Духовный рост и созревание, новый закал пред новою, не менее святой, но усложненной жизнью главы монастыря и дальше – старца, к голосу которого будет прислушиваться Русь. Быть может,

¹¹ «Бесы были все в острокопечных шапках, на манер литовцев». – Трудно представить себе, чтобы сейчас «литовец» мог пугать кого-нибудь под Москвою. Но в XIV веке было по-другому. Не раз литовцы наступали на Москву, разоряли и жестоко грабили целую область. Ольгерд водил их к самой Москве (в 1368 г. и в 1370). Дмитрий Донской, победитель Мамай, должен был отсиживаться за московскими стенами перед литовским князем! Простонародье ненавидело и боялось литовцев не меньше татар. Пр. Сергей много, вероятно, о них слышал, если даже в кротком уединении бесы примерещались ему в облике литовцев.

посещения редкие и литургии в «церквице». Молитвы, труд над грядкою капусты, и жизнь леса вокруг: он не проповедовал, как Франциск, птицам, и не обращал волка из Губбио, но, по Никоновской летописи*, был у него друг лесной. Сергей увидел раз у келии огромного медведя, слабого от голода. И пожалел. Принес из келии краюшку хлеба, подал – с детских ведь лет был, как родители, «странноприимен». Мохнатый странник мирно съел. Потом стал навещать его. Сергей подавал всегда. И медведь сделался ручным.

Но сколь ни одинок был Преподобный в это время, слухи о его пустынночестве шли. И вот, стали являться люди, прося взять к себе, спасаться вместе. Сергей отговаривал. Указывал на трудность жизни, на лишения, с ней связанные. Жив еще был для него пример Стефана. Все-таки – уступил. И принял нескольких: немолодого, с верховьев реки Дубны Василия Сухого. Земледельца Якова, братия называла его Якута; он служил вроде рассыльного. Впрочем, посылали его редко, в крайности: старались обходиться во всем сами. Упоминаются еще: Онисим, дьякон, и Елисей, отец и сын, земляки Сергея, из Ростовской земли. Сильвестр Обнорский*, Мефодий Пешношский*, Андроник*.

Построили двенадцать келий. Обнесли их тыном, для защиты от зверей. Онисима, чья келья находилась у ворот, Сергей поставил *вратарем*. Келии стояли под огромными соснами, елями. Торчали пни только что срубленных деревьев. Между ними разводила братия свой скромный огород.

Жили тихо, и сурово. Сергей подавал во всем пример. Сам рубил келии, таскал бревна, носил воду в двух водоносах в гору, молот ручными жерновами, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду, обувь, был, по Епифанию, для всех «как купленный раб». И наверно, плотничал теперь уже отлично. Летом и зимой ходил в той же одежде, ни мороз его не брал,

ни зной. Телесно, несмотря на скудную пищу (хлеб и вода), был очень крепок, «имел силу противу двух человек».

Был первым и на службах. Службы начинались в полночь (полунощница), затем шли утренняя, третий, шестой и девятый час. Вечером – вечерня. В промежутках частые «молебные пения» и молитва в келиях, работы в огородах, шитье одежды, переписывание книг и даже иконописание. Литургию служить приглашали священника из соседнего села, приходил и Митрофан, постригший в свое время Сергия. Позже он тоже вошел в состав братии – был первым игуменом. Но прожил недолго, вскоре умер.

Так из уединенного пустынника, молитвенника, созерцателя вырастал в Сергии и деятель. Игуменом он еще не был, и священства не имел. Но это уже настоятель малой общины, апостольской по числу келий, апостольской по духу первохристианской простоты и бедности, и по роли исторической, какую надлежало ей сыграть в распространении монашества.

Игумен

Так шли годы. Община жила неоспоримо под началом Сергия. Он вел линию ясную, хоть и не так суровую, и менее формалистическую, чем, напр., Феодосий Киево-Печерский*, ставивший подчинение себе основой. Феодосий требовал точнейшего исполнения приказаний. Но Феодосий, не снимавший власяницы, выставивший себя на съедение комарам и мошкам, был и в аскетическом подвиге страстнее – это опять иной облик. Жизненное же и устроительное дело Сергия делалось почти *само собой*, без видимого напора. Иногда же, как в истории с игуменством, как будто даже против его воли.

Монастырь рос, сложнел, и должен был оформиться. Братия желала, чтобы Сергей стал игуменом. А он отказывался.

– Желание игуменства, – говорил, – есть начало и корень властолюбия.

Но братия настаивала. Несколько раз «приступали» к нему старцы, уговаривали, убеждали. Сергей сам ведь основал пустынь, сам построил церковь; кому же и быть игуменом, совершать Литургию.

(До сих пор приходилось приглашать священника со стороны. А в древних монастырях обычно игумен был и священником.)

Настояния переходили чуть не в угрозы: братия заявляла, что если не будет игумена, все разойдутся. Тогда Сергей, проводя обычное свое чувство меры, уступил, но тоже относительно.

– Желаю, – сказал, – лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать; но боюсь суда Божия; не знаю, что угодно Богу; святая воля Господа да будет!

И он решил не прекословить – перенести дело на усмотрение церковной власти.

Митрополита Алексия* в то время не было в Москве. Сергей с двумя старейшими из братии пешком отправился к его заместителю, епископу Афанасию, в Переяславль-Залесский¹².

Явился он к святителю рано утром, перед литургией, пал на колена и просил благословения. В век, когда святые ходили пешком, и когда к Лавре вряд ли и проезжая была дорога, когда к епископу, наверно, обращались без доклада, мало удивляет, что епископ спросил скромного монаха, запыленного, в грязи, кто он.

Все же имя Сергия было ему известно. Он без колебаний *повелел* принять игуменство. Сергей уж не мог отказываться. Все произошло просто, в духе того времени. Афанасий со своими священнослужителями тотчас пошел в церковь, облачился, велел Сергию вслух произнести Символ веры, и, осенив крестом, поставил в иподиакона. За Литургией Сергей был возведен в иеродиакона. Священство получил на другой день. И еще на следующий – сам служил Литургию, первый раз в жизни. Когда она окончилась, епископ Афанасий произнес над ним молитвы, полагающие во игумена. Затем, после беседы в келии, отпустил.

И Сергей возвратился, с ясным поручением от Церкви – воспитывать, вести пустынную свою семью. Он этим занялся. Но собственную жизнь, в игуменстве, не изменил

¹² Снова вопрос хронологии, и снова спорный. По Епифанию, еп. Афанасий поставил Сергия в игумены во время отсутствия св. Алексия – тот якобы уезжал в Константинополь. Иеромонах Никон принимает это целиком и повторяет рассказ Епифания. Так как Алексий был в Константинополе в 1353 – 54 гг., то на это время и приходится поставление Сергия в игумены. Вряд ли, однако, это можно принять. Даже если предположить, что Сергей родился в 22-м году, он был бы пострижен в монахи (на 23-м) – в 1345. От пострижения до игуменства прошло около 3-х и не более 4-х лет. След., – в 1348 – 49. А при предположении о 1314 – поставление в игумены придется на 1340 – 41. Как раз в это время Митрополит Феогност ездил в Новгород и Орду: за его отсутствием епископ Афанасий и поставил Сергия в игумены (Голубинский).

нисколько: так же продолжал быть «купленным рабом» для братии. Сам свечи скатывал, варил кутью, готовил просфоры, размалывал для них пшеницу.

В пятидесятых годах к нему пришел архимандрит Симон из Смоленской области, прослышав о его святой жизни. Симон – первый принес в монастырь и средства. Они позволили построить новую, более обширную, церковь Св. Троицы.

С этих пор стало расти число послушников. Келии принялись ставить в некотором порядке. Деятельность Сергия ширилась. Был введен богослужебный устав Феодора Студита*, тот же, что и некогда в Киево-Печерской Лавре.

Сергий постригал не сразу. Наблюдал, изучал пристально душевное развитие прибывшего. «Прикажет, – говорит Епифаний, – одеть пришельца в длинную свитку из грубого, черного сукна, и велит проходить какое-нибудь послушание, вместе с прочими братьями, пока тот не навикнет всему уставу монастырскому; потом облечет его в одежду монашескую; и только после испытания пострижет уже в мантию и даст клобук. А когда видел, что который-либо инок опытен уже в духовном подвиге, того удостоивал и св. схимы».

Несмотря на постройку новой церкви, на увеличение числа монахов, монастырь все строг и беден. Тип его еще – «особножитный». Каждый существует собственными силами, нет общей трапезы, кладовых, амбаров. Несомненно, кое-что из собственности появилось – напр., у архимандрита Симона, у Пересвета* и др. До времени Сергей не запрещал этого. Но за духовной жизнью братии наблюдал пристально, и вел ее. Во-первых, был духовником – ему исповедовались. Он определял меру послушания, сообразно силам и способностям каждого. Это – внутреннее его общение. Но следил и за внешней дисциплиной. Было положено, что у себя в келии инок проводит время или за молитвой, или за размышлением о своих грехах, проверкой поведения, или за чтением св. книг, переписыванием их, иконописью – но никак не в разговорах.

По вечерам, иногда даже ночью, окончив свои молитвы, Преподобный обходил келии и заглядывал в «волоковые» оконца¹³. Если заставал монахов вместе, то стучал им палкою в окошко, а наутро звал к себе, «увещевал». Действовал спокойно, и не задевая, более всего стараясь убедить. Но иногда налагал и епитимии. Вообще же, видимо, обладал даром поддерживать благообразный и высокий дух просто обаянием облика. Вероятно, как игумен он внушал не страх, а то чувство поклонения, внутреннего уважения, при котором тяжело сознавать себя неправым рядом с праведником.

Трудолюбие мальчика и юноши Варфоломея оставалось неизменным и в игумене. По известному завету ап. Павла, он требовал от иноков труда и запрещал им выходить за подаванием. В этом резкое отличие от св. Франциска. Блаженный из Ассизи не чувствовал под собой земли. Всю недлинную свою жизнь он летел, в светлом экстазе, *над землей*, но летел «в люди», с проповедью апостольской и Христовой, ближе всех подходя к образу самого Христа. Поэтому и не мог, в сущности, ничего на земле учредить (учредили за него другие). И труд, то трудолюбие, которое есть корень прикрепления, для него не существенны.

Напротив, Сергей не был проповедником, ни он, и ни ученики его не странствовали по великорусской Умбрии с пламенной речью и с кружкою для подаваний. Пятьдесят лет он спокойно провел в глубине лесов, уча *самим собою*, «тихим деланием», но не прямым миссионерством. И в этом «делании» – наряду с дисциплиною душевной огромную роль играл тот черный труд, без которого погиб бы он и сам, и монастырь его. Св. Сергей, православный глубочайшим образом, насаждал в некотором смысле западную культуру (труд, порядок, дисциплину) в радонежских лесах, а св. Франциск, родившись в стране преизбыточной культуры, как бы на нее восстал.

¹³ «Волоковые» оконца – окно, оконце или проем четверти в полторы, с *волоком*, задвижным изнутри ставнем.

Итак, Сергиева обитель продолжала быть беднейшей. Часто не хватало и необходимого: вина для совершения Литургии, воска для свечей, масла лампадного, для переписывания книг, не только что пергамента, но и простой харатья¹⁴. Литургию иногда откладывали. Вместо свечей – лучины. Образ северный, быт древний, но почти до нас дошедший: русская изба с лучиной с детства нам знакома, и в тяжелые недавние годы вновь ожила. Но в Сергиевой пустыни при треске, копоты лучин читали, пели книги высшей святости, в окружении той *святой бедности*, что не отринул бы и сам Франциск. Книги переписывали *на берестах* – этого, конечно, уж не знал никто в Италии блаженно-светлой. В Лавре сохранились до сих пор бедные деревянные чаша и дискос, служившие при Литургии, и фелонь Преподобного – из грубой крашенины с синими крестами. Питались очень дурно. Нередко не было ни горсти муки, ни хлеба, ни соли, не говоря уже о приправах – масле и т. п.

Следующие два рассказа изображают материальное положение монастыря и роль игумена – верно, невыносимую для Запада.

В одну из затруднительных полос Преподобный Сергей, проголодав три дня, взял топор и пошел в келию к некоему Даниилу.

– Старче, я слышал, что ты хочешь пристроить себе сени к келии. Поручи мне эту работу, чтобы руки мои не были без дела.

– Правда, – отвечал Даниил, – мне бы очень хотелось построить их; у меня все уже и для работы заготовлено, и вот поджидаю плотника из деревни. А тебе как поручить это дело? Пожалуй, запросишь с меня дорого.

– Эта работа не дорого тебе обойдется, – сказал ему Сергей, – мне вот хочется гнилого хлеба, а он у тебя есть; больше этого с тебя не потребую. Разве ты не знаешь, что я умею работать не хуже плотника? Зачем же тебе звать другого плотника?

Тогда Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба (*«изнесе ему решето хлебов гнилых посмагов»*¹⁵), которого сам не мог есть, и сказал: вот, если хочешь, возьми все, что тут есть, а больше не взыщи.

– Хорошо, этого довольно для меня; побереги же до девятого часа: я не беру платы прежде работы.

И, крепко подтянув себя поясом, принялся за работу. До позднего вечера пилил, тесал, долбил столбы и окончил постройку. Старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба, как условленную плату за труд целого дня. Только тогда Сергей поел.

Итак, игумен, духовник и водитель душ в личном своем деле оказывается последним, чуть что, действительно, не «купленным рабом». Старец Даниил начинает с того, что опасается, как бы Преподобный Сергей не «взял слишком дорого». Почему он решил, что Сергей возьмет дорого? Почему допустил, чтобы *игумен* трудился на него целый день? Почему просто не поделился своим хлебом? (Даже не «поделился»: сказано, что сам он этого хлеба не мог есть.) Не указывает ли это, что сквозь воспитание и воздействие Преподобного в отдельных иноках прорывалось самое обычное, житейское, до черствости и расчета? Старец, приходивший к Сергию на исповедь, за душой и благочестием которого тот следит, считает правильным заплатить ему за труд целого дня негодным хлебом – плотник из села к нему и не притронулся бы. А Сергей, очевидно, выделяет деятельность духовную, водительную, от житейских отношений. Скромность – качество его всегдашнее. Здесь блистательное проявление его.

¹⁴ *Харатья*, хартия (лат. charta стар.) – папирус, пергамент – все, на чем встарь писали, и самая рукопись.

¹⁵ *«Изнесе ему решето хлебов гнилых посмагов»* – последнего слова Епифаний мог бы и не прибавлять. «Посмаги» – значит именно «хлебы», на старинном языке. Видимо, опять для «изукрашения» стиля.

Другой рассказ связан тоже с бедностью монастыря, силою веры, терпением, сдержанностью самого Сергея рядом с большой слабостью некоторых из братии.

В один из приступов нужды в обители нашлись недовольные. Поголодали два дня – зароптали.

– Вот, – сказал Преподобному инок от лица всех, – мы смотрели на тебя, и слушались, а теперь приходится умирать с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить в мир просить милостыню. Потерпим еще сутки, а завтра все уйдем отсюда, и больше не возвратимся: мы не в силах выносить такую скудость, столь гнилые хлеба.

Сергий обратился к братии с увещанием. Но не успел он его кончить, как послышался стук в монастырские ворота; привратник увидел в окошечко, что привезли много хлеба. Он сам был очень голоден, но все же побежал к Сергию.

– Отче, привезли много хлебов, благослови принять. Вот, по твоим святым молитвам они у ворот.

Сергий благословил, и в монастырские ворота въехало несколько повозок, нагруженных испеченным хлебом, рыбою и разной снедью. Сергей порадовался, сказал:

– Ну, вот, вы, алчущие, накормите кормильцев наших, позовите их разделить с нами общую трапезу.

Приказал ударить в било, всем идти в церковь, отслужить благодарственный молебен. И лишь после молебна благословил сесть за трапезу. Хлебы оказались теплы, мягки, точно только что из печки.

– Где же тот брат, что роптал на заплесневевшие хлебы? – спросил Преподобный за трапезою. – Пусть войдет и попробует, какую пищу послал нам Господь.

Спросил и о том, где же привезшие. Ему ответили: по словам возчиков, это – дар неизвестного жертвователя. А возчики должны ехать дальше, не имеют времени остаться. И они уже уехали.

Случай с хлебами, прибывшими так вовремя, остался в памяти у братии и перешел в житие, как проявление Промысла, поддержавшего Преподобного в тяжелую минуту. Нас же он подводит уж вплотную к чудесам его.

Св. Сергей Чудотворец и наставник

Можно рассуждать так: Бог тем более поддерживает, окрыляет и заступается за человека, чем больше устремлен к нему человек, любит, чтит и пламенеет, чем выше его духопроводность. Ощущать действие этого Промысла может и просто верующий, не святой. Чудо же, нарушение «естественного порядка» (внешней, тонкой пленки, где все совершается по правилам и под которой, глубже, кипит царство сил духовных) – чудо «просто смертному» не дано (как не дано ему и истинных видений). Чудо есть праздник, зажигающий будни, ответ на любовь. Чудо – победа сверх-алгебры, сверх-геометрии над алгеброй и геометрией школы. Вхождение чудесного в будни наши не говорит о том, что законы буден ложны. Они лишь – не единственны. То, что называем мы «чудесным», – совершенно «естественно» для мира высшего, чудесно же лишь для нас, живущих в буднях и считающих, что кроме буден ничего и нет. Для моллюска чудом было бы услышать музыку Бетховена, для человека в некотором смысле чудо – капелька воды под микроскопом (простым глазом не видно!), видение будущего и физически невидимого, и, главное чудо, наименее приемлемое – мгновенная *отмена* нашего *маленького* закона: воскресение по смерти. Это, конечно, величайшая буря любви, врывающаяся *оттуда*, на призыв любовный, что идет *отсюда*.

Даже Преподобный Сергей, в ранней полосе подвижничества, не имел видений, не творил чудес. Лишь долгий, трудный путь самовоспитания, аскезы, самопросветления приводит его к чудесам и к тем светлым видениям, которыми озарена зрелость. (Замечательно, что пугающих видений, ужаса, потрясавшего юные годы отшельничества, – нет в старости Сергея, когда дух его приобрел абсолютную гармоничность и просветленность.) В этом отношении, как и в других, жизнь Сергея дает образ постепенного, ясного, внутренне-здорового движения. Это непрерывное, недраматическое восхождение. Святость растет в нем органично. Путь Савла, вдруг почувствовавшего себя Павлом*, – не его путь.

Спокойно, внутренне дозрев, он совершает чудо с источником. Оно связано с обычными, житейскими делами. Пока Преподобный жил один на своей Маковице, вопрос о воде не смущал его. Был ли около монастыря маленький родник, недостаточный для многих? Или родник *вообще* был не так близко и, не смущая Сергея, вызывал недовольство братии – неизвестно. Во всяком случае, появились разговоры, что носить воду трудно.

Тогда Сергей, взяв одного из иноков, спустился вниз от обители и, найдя небольшую лужу дождевой воды, стал пред ней на молитву. Он молился, чтобы Господь дал им воду, как некогда послал ее по молитве Моисея*. Осенил место крестным знаменiem, и оттуда забил ключ, образовав ручей, который братия назвала было *Сергиевой рекой*. Но он запретил называть его так¹⁶.

¹⁶ Передавая рассказы Епифания о чудесах святого, автор делает это с верою в то, что св. Сергию дана была способность прорывать будничный покров жизни. Но из этого не следует, чтобы каждый *данный* рассказ биографа о совершении чуда был безусловно точен и не содержал легендарных черт. Если мы видели, что утверждения Епифания иногда неправильны для самых обычных фактов, то известный «коэффициент поправок» надо допустить и в изложении им «чудесных» событий. Есть противоречие и в его рассказе о чуде с источником. Можно представить себе дело так: когда Сергей со Стефаном поселились на Маковице, какой-нибудь ручеек или ключ вблизи существовал – трудно думать, чтобы они основались вдали от воды. Но, вероятно, для целого *монастыря* он оказался недостаточным, и оттого, что часто приходилось брать воду, его забили, замутнили. Возможно, что монахи отыскивали родник в другом месте, – но туда далеко было ходить, – отсюда и недовольствие на Сергея. Тогда он и прибеж к молитве. Сохранился ли до наших дней Сергиев источник? Неясно. По мнению проф. Голубинского, т. н. Пятницкий колодезь нельзя считать Сергиевым. Если даже предположить, что он искусственно обращен позже из источника в колодезь, то непонятно, почему он так далеко от монастыря. Осенью и весной низина к нему обращалась, наверно, в непроходимое болото. Если чудесный источник не закрылся и не исчез бесследно, то единственно вероятное – видеть его в колодезе, который находится за южной стеной монастыря в Пафнугьевском саду, от стены в 5–6 саж. Иером. Никон принимает ручей Кончуру за реку «Сергиеву», основываясь на одном древнем списке жития, приводимом А. В. Горским, где сказано: «Другая же река, яже ныне под монастырем течет, на том же месте от искони река не баше».

Второе чудо Сергия относилось к ребенку. В это время многие уже знали о нем как о святом и приходили с поклонением и за советами, а главное, со своими бедами. Епифаний рассказывает, как один человек принес ему тяжело больного своего ребенка. Пока он просил Сергия помолиться за него и пока Преподобный готовился к молитве, ребенок умер. Отец впал в отчаяние. Стал даже укорять Сергия: лучше бы уж ребенок умер дома, а не в келии святого: по крайней мере, вера не убавилась бы.

И отец вышел, чтобы приготовить гробик. А когда вернулся, Сергей встретил его словами:

– Напрасно ты так и смутился. Отрок вовсе и не умирал.

Ребенок был теперь, действительно, жив. Отец пал к ногам Сергия. Но тот стал успокаивать его, и даже убеждать, что дитя просто было в сильном припадке, а теперь обогрелось и отошло. Отец горячо благодарил Преподобного за его молитвы. Но тот запретил ему разглашать о чуде. Узналось же это впоследствии, утверждает блаженный Епифаний, от келейника Преподобного Сергия. Его рассказ и приводит Епифаний.

Он передает еще о тяжелобольном, который три недели не мог спать и есть и которого исцелил св. Сергей, окропив святой водой. О знатном вельможе, бесноватом, привезенном с берегов Волги, куда уже проникла слава Сергия как чудотворца. Вельможу повезли насильно. Он слышать не хотел о Сергии, бился, рвался, пришлось сковать его цепями.

Уже перед самою обителью он в ярости разорвал цепи. Крик слышали в монастыре. Сергей велел ударить в било и братии собираться в церковь. Начался молебен – о выздоровлении. Понемногу он стал успокаиваться. Наконец, Преподобный вышел к нему с крестом. Лишь только осенил его, тот с воплем бросился в лужу: «Горю, горю страшным пламенем!»

И выздоровел. Позже, когда рассудок вернулся к нему, его спросили: почему он бросился в воду. Он ответил, что увидел «великий пламень», исходивший от Креста и объявший его. Он и хотел укрыться в воде.

Такие исцеления, и облегчения, и чудеса широко разносили славу Сергия. К нему, как мудрецу и святому, шли люди разных положений – от князей и до крестьян. Пусть рос и богател монастырь, Сергей оставался тем же простым с виду «старичком», кротким и покойным утешителем, наставником, иногда судьей.

Житие приводит два случая, когда чрез Сергия как бы действовали и силы карающие.

Вблизи монастыря богатый отобрал у бедного свинью. Потерпевший пожаловался Сергию. Тот вызвал обидчика и долго убеждал – возратить взятое. Богатый обещал. Но дома пожалел и решил не отдавать. Была зима. Свинью он только что зарезал, она лежала у него в клетке. Заглянув, он видит, что вся туша уж изъедена червями.

Другой рассказ – о внезапной слепоте греческого епископа, сомневавшегося в святости Сергия, – слепоте, поразившей его, как только он подошел к Преподобному в ограде монастыря. Сергей должен был за руку ввести его к себе в келию. Там он признался в своем неверии и просил заступничества. Сергей, помолившись, исцелил его.

Вероятно, таких «посетителей» и «просителей заступничества» было много. Несомненно, очень многие приходили просто за советами, каялись в делах, томивших душу: обо всем не может же сказать Епифаний. Он передает о наиболее запомнившемся.

Вообще в живой душе крепко сидит стремление к очищению и «направлению». На наших глазах совершались бесконечные паломничества в Оптину – от Гоголя, Толстого, Соловьева*, со сложнейшими запросами души, до баб, – выдавать ли замуж дочку, да как лучше прожить с мужем. А в революцию и к простым священникам приходили каяться красноармейцы – и в кощунствах, и в убийствах.

С половины жизни Сергей выдвинулся на пост всенародного учителя, заступника и ободрителя. В его времена «старчества» еще не было. «Старцы» в Православии явились поздно, в XVIII веке, с Паисием Величковским*. Но самый тип «учительного старца» дре-

вен, он идет из греческих монастырей, и у нас в XV веке известен, например, учительный старец Филофей Псковский*.

В позднейших монастырях старцы выделились в особый разряд – созерцательных мудрецов, хранящих традицию истинного Православия, мало прикасающихся к монастырской жизни.

Сергий был и игуменом, и, как увидим, – даже и общественным, и политическим деятелем. Но может считаться и основоположником старчества.

Общежитие и тернии

Не совсем ясно, были ли, при жизни Сергия, у обители его жалованные села. Скорее – нет. Считается, что запрета *принимать* дарения он не делал. Запрещал *просить*. На крайней же, францисканской точке (ее не выдержали сами францисканцы), видимо, и не стоял. Непримиемые решения вообще не в его духе. Быть может, он смотрел, что «Бог дает», значит, надо брать, как принял он и повозки с хлебом, рыбою от неизвестного жертвователя. Во всяком случае, известно, что незадолго до смерти Преподобного один галицкий боярин подарил монастырю половину варницы и половину соляного колодезя у Соли Галицкой (нынешний Солигалич).

Монастырь не нуждался уже теперь, как прежде. А Сергей был все так же просто – беден, нищ и равнодушен к благам, как остался и до самой смерти. Ни власть, ни разные «отличия» его вообще не занимали. Но этого он не подчеркивал. Как удивительно естественно и незаметно все в нем! Отделяют пятьсот лет. О, если бы его увидеть, слышать. Думается, он ничем бы сразу и не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе – через всю ее условность – образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России. Все – возведение к предельной легкости, чистоте.

Долго прожившие с ним старцы говорили Епифанию, что никогда Преподобный не носил новой одежды, но «сермяжную ткань из простой овечьей шерсти, да притом ветхую, которую, как негодную, другие отказывались носить». Чаше всего шил сам одежду. «Однажды не случилось хорошего сукна в его обители; была одна лишь половинка, гнилая, какая-то пестрая («пелесоватая») и плохо сотканная. Никто из братии не хотел ею пользоваться: один передавал другому, и так обошла она до семи человек. Но Преподобный Сергей взял ее, скроил из нее рясу и надел, не хотел уже расставаться». Через год она развалилась вовсе.

Ясно, что по виду нетрудно было принять его за последнего из монастырских послушников.

Привожу почти дословно рассказ Епифания. Он просто и ярко рисует святого в обители.

Многие приходили издали, чтобы только взглянуть на Преподобного. Пожелал видеть его и один простой земледелец. При входе в монастырскую ограду он стал спрашивать братию: где бы повидать их славного игумена? А Преподобный в это время трудился в огороде, копая заступом землю под овощи.

– Подожди немного, пока он выйдет оттуда, – отвечали иноки.

Крестьянин заглянул в огород через отверстие забора и увидел старца в заплатанной одежде, трудившегося над грядкой. Он не поверил, что этот скромный старичок и есть тот Сергей, к которому он шел. И опять стал приставать к братии, требуя, чтобы ему показали игумена.

– Я издалека пришел сюда, чтобы видеть его, у меня есть до него важное дело.

– Мы уже указали тебе игумена, – ответили иноки. – Если не веришь, спроси его самого.

Крестьянин решил подождать у калитки. Когда Преподобный Сергей вышел, иноки сказали крестьянину:

– Вот он и есть, кого тебе нужно.

Посетитель отвернулся в огорчении.

– Я пришел издалека посмотреть на пророка, а вы показываете какого-то нищего! Но я не дожил еще до такого безумия, чтобы счесть этого убогого старичка за знаменитого Сергия.

Иноки обиделись. Только присутствие Преподобного помешало им выгнать его. Но Сергей сам пошел ему навстречу, поклонился до земли, поцеловал. Потом повел за трапезу. Крестьянин высказал свою печаль: не пришлось ему видеть игумена.

– Не скорби, брате, – утешил его Преподобный, – Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не уходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ищешь.

В это время в обитель прибыл князь со свитой бояр. Преподобный встал навстречу ему. Прибывшие оттолкнули крестьянина и от князя, и от игумена. Князь до земли поклонился святому. Тот поцеловал его и благословил, потом оба они сели, а все остальные «почтительно стояли вокруг».

Крестьянин ходил среди них, и все старался рассмотреть, где же Сергей. Наконец, снова спросил:

– Кто же этот чернец, что сидит направо от князя?

Инок с упреком сказал ему:

– Разве ты пришелец здесь, что не знаешь Преподобного отца Сергея?

Только тогда понял он свою ошибку. И по отъезде князя бросился к ногам Сергея, прося прощения.

Разумеется, «нищий» и «убогий старичок» не был к нему суров. У Епифания приведены его слова:

– Не скорби, чадо; ты один справедливо рассудил обо мне; ведь они все ошибаются.

Есть мнение, что Епифаний даже сам наблюдал эту сцену, потому так тщательно и написал ее.

Как удивительно прост и серьезен в ней святой! Конечно, «житие» всегда иконность придает изображаемому. Но, насколько можно чувствовать Сергея, чрез тьму годов и краткие сообщения, в нем вообще не было улыбки. Св. Франциск душевно улыбается – и солнцу, и цветам, и птицам, волку из Губбио. Есть улыбка – теплая и жизненная – у св. Серафима Саровского*. Св. Сергей ясен, милостив, «страннолюбив», тоже благословил природу, в образе медведя близко подошедшую к нему. Он заступился перед братией и за простого человека. В нем нет грусти. Но как будто бы всегда он в сдержанной, кристально-разреженной и *прохладной* атмосфере. В нем есть некоторый север духа.

Мы видели, что *князь* приехал к Сергию. Это уж время, когда «старичка» слышно на всю Россию, когда сближается он с митрополитом Алексием, улаживает распри, совершает грандиозную миссию по распространению монастырей.

Между тем в собственном его монастыре не все покойно – именно, идет борьба за и против общежития.

Исторически, к нам пришло монашество *особно-житное* из Греции. Антоний* и Феодосий Печерские ввели *общежитие*, но позже вновь оно было вытеснено особностью, и Преподобному Сергию принадлежала заслуга окончательного восстановления общежития.

Это далось ему не сразу.

Вначале монастырь на Маковице тоже был *особно-житный*. Уже упоминалось, что до поры до времени Преподобный Сергей позволял монахам даже некоторую собственность в келиях. Но с ростом монастыря и братии это становилось неудобным. Возникла разность в положении монахов, зависть, нежелательный дух вообще. Преподобный хотел более строгого порядка, приближавшего к первохристианской общине. Все равны, и все бедны одинаково. Ни у кого ничего нет. Монастырь живет общиною.

В это время Сергей, игумен, друг митрополита Алексия, уже чувствовал, что дело Лавры – дело всероссийское и мессианское. Обитель-родоначальница сама должна принять неуязвимый облик.

Житие упоминает о видении Преподобного – первом по времени, – связанном именно с жизнью обители.

Однажды, поздно вечером, стоя у себя в келии, как обычно, на молитве, он услышал голос: «Сергий!» Преподобный помолился и отворил оконце келии. Дивный свет льется с

неба, и в нем Сергей видит множество прекрасных, неизвестных ему раньше птиц. Тот же голос говорит:

– Сергей, ты молишься о своих духовных детях: Господь принял твою молитву. Посмотри кругом – видишь, какое множество иноков собрано тобою под твое руководство во имя Живоначальных Троицы.

А птицы летают в свете и необычайно сладостно поют.

– Так умножится стадо учеников твоих, и после тебя они не оскудеют.

Преподобный в великой радости позвал арх. Симона, жившего в соседней келии, чтобы и ему показать. Но Симон застал лишь конец видения – часть небесного света. Об остальном Преподобный ему рассказал.

Это видение, быть может, еще больше укрепило Сергия в необходимости прочных, правильных основ – и для его монастыря, и для рождающихся новых.

Полагают, что митрополит Алексий помогал, поддерживал его намерения – был за реформу. А в самом монастыре – многие против. Можно думать, что митр. Алексий проявил тут некоторую дипломатию: по его просьбе патриарх Кир Филофей* прислал Преподобному Сергию послание и подарки – крест, параманд и схиму. В грамоте ясно советовалось ввести общежитие («Но едина главизна (правило) еще не достаточествует ти: яко не общее житие стяжасте». И далее: «Потому же и аз совет благ вам даю: послушайте убо смирения нашего, яко да составите общее житие»). Такая грамота укрепляла положение Сергия как реформатора. И он ввел общежитие¹⁷.

Не все были довольны им в монастыре. Некоторых это и связывало, и стесняло. Кое-кто даже ушел.

Деятельность Сергия нововведение расширяло и усложняло. Нужно было строить новые здания – трапезную, хлебопекарню, кладовые, амбары, вести хозяйство и т. п. Прежде руководство его было только духовным – иноки шли к нему как духовнику, на исповедь, за поддержкой и наставлением. Теперь он как бы отвечал за самый быт монастыря.

Все способные к труду должны были трудиться. Частная собственность строго воспрещена.

Чтобы управлять усложнившейся общиной, Сергей избрал себе помощников и распределил между ними обязанности. Первым лицом после игумена считался *келарь*. Эта должность впервые учреждена в русских монастырях Преподобным Феодосием Печерским. Келарь заведовал казной, благочинием и хозяйством – не только внутри монастыря. Когда появились вотчины, он ведал и их жизнью. Правил и судебные дела. Уже при Сергии, по видимому, было собственное хлебопашество – вокруг монастыря являются пахотные поля, частью обрабатываются они монахами, частью наемными крестьянами, частью – желающими поработать на монастырь. Так что у келаря забот немало. Одним из первых келарей Лавры был преподобный Никон*, позже игумен.

¹⁷ Введение общежития. Согласно Епифанию (повторно у иером. Никона), это относится ко 2-му патриаршеству Кира Филофея – 1364–1376. Монастырь был основан в 1339 – 40 гг., значит, монахи жили без общежития не менее 25 лет. Это кажется исследователям маловероятным. Затем: св. Алексий построил Андрониев монастырь в 1358 – 59 гг., а там, прямо по построению, говорит Епифаний, было введено общежитие. След., в Троице-Сергиевой Лавре, откуда и вышел «смирный» Андроник, оно существовало уже раньше. Вероятнее всего, что и Пр. Сергей, и митр. Алексий прибегли к авторитету патр. Филофея. Надо думать, что Алексий просил его написать послание к Сергию, когда был в Константинополе (1353 – 54). Сам Патриарх знать Сергия не мог. Послание было привезено греками, сопровождавшими Алексия в Россию по поставлению его в митрополиты (осень 1345). Они же и передали его Сергию, но не в 1375 г., а в 1354. Есть еще факт, подтверждающий такое предположение: существует грамота Патр. Каллиста I к неназываемому русск. игумену (это мог быть только Сергей), содержащая увещание к братии о повиновении игумену – по существу явный ответ высшей церковной власти на неудовольствие и раздор монахов из-за общежития. Она относится к 1360-м годам. Опять, значит, общежитие уже существовало.

В *духовники* назначали опытейшего в духовной жизни. Он – исповедник братии. Савва Сторожевский*, основатель монастыря под Звенигородом, был из первых духовников. Позже эту должность получил Епифаний, биограф Сергия.

За порядком в церкви наблюдал *экклезиарх*. (Исполнение церк. устава. Вначале Студийский¹⁸, более простой, а теперь Иерусалимский, более торжественный: Литургию совершали каждый день, т. к. священников было уже достаточно.) Меньшие должности: *параэкклезиарх* – содержал в чистоте церковь, *канонарх* – вел «клиросное послушание» и хранил Богослужебные книги.

Порядок жизни в келиях остался прежний: молитва и работа. Как обычно, Сергей первый подавал пример. Мы видели уже, как крестьянин застал его в огороде. Кроме того – шил обувь и одежду братии. Готовил «кануны», особый вид кутьи. Нигде не говорится, что он переписывал книги, занимался иконописью. Это подтверждает, что книжным человеком Преподобный не был никогда. Сергей – плотник, огородник, пекарь, водонос, портной, и не художник, не «писатель». А в монастыре именно явились и иконописцы, и «писатели». Племянник Сергия Феодор, в юности постриженный, овладел иконописью в Лавре. И есть мнение, что искусство иконописи перенесено оттуда в Андрониев монастырь, в Москве, где жил и знаменитый Андрей Рублев.

«Списание книжное» в Лавре процветало. В ризнице осталось много книг и оплетенных в кожу рукописей того времени. Например, Евангелие Преподобного Никона, Служебник, писанный его же рукой в 1381 г., на пергаменте, «Поучения Аввы Дорофея»*, 1416 г., «рукою многогрешного инока Антония», «Лествица»*, 1411 г., «списанная рукою грубого и худого, странного, последнего во иноцех, смиренного многими грехи Варлаама».

И многие другие, некоторые с удивительными заставками в красках и с золотом – напр., Псалтырь, писанная при игумене Никоне*.

Так жили и трудились в монастыре Сергия, теперь уже прославленном, с проложенными к нему дорогами, где можно было и остановиться, и пробыть некоторое время – простым ли людям или князю. «Странноприимство» ведь традиция давнишняя самого Преподобного, вынесенная еще из мира, от родителей. А теперь она давала повод правильно тратить избытки накопившиеся. Считают вероятным, что первая лаврская богадельня возникла при Сергии. Во всяком случае – он зачинатель монастырской благотворительности. А она возможна только при общежитии.

Однако – мы уже говорили – в этой чинной и спокойной общине не все шло гладко. Не все в братии были святые, как игумен Сергей. В сущности, с первых шагов «пустынной» жизни Преподобный жил именно с людьми, хотя и в облике монашеском. Ушел же некогда от него брат Стефан. Другие угрожали, что уйдут, когда он не хотел принять игуменства, когда бывало голодно в обители. Третьи ушли при введении общежития. Были недовольные и из оставшихся. Какая-то глухая борьба шла. Она и объясняет то тяжелое событие, которое произошло в монастыре.

Мы ничего не знаем ясно о «трениях» из-за общежития. Ни Епифаний, ни летопись ничего не говорят об этом – может быть, Епифаний и нарочно пропускает: легче говорить о светлом, чем о «слишком человеческом». И рассказ о происшедшем не вполне подготовлен, слишком внезапно выплывает с фона неразработанного.

¹⁸ Монашеские уставы: первый, древнейший, Пахомия Великого – четвертый век. До Пахомия монастырей вообще не существовало. Он первый создал монастыри в Европе и оставил им правило жизни. Затем идет Василий Великий, еп. Кесарийский, автор дидактического труда о монашестве, так сказать, «теоретик» монашества и аскетизма. Более поздние уставы: Иерусалимский обители Саввы Освященного – шестой век, Константинопольский Феодора Студита, или Студийский, – девятый век. Студийский монастырь славился святостью подвижников и ревностью их к православию во время иконоборства. Студийский устав был заимствован и русскими монастырями – его ввел первый Пр. Феодосий Печерский у себя в Лавре, затем Пр. Сергей в своем монастыре. Известен еще Афонский устав, или Святые Горы, – десятый век.

Связан он опять со Стефаном.

Раз на вечерне – Пр. Сергей сам служил ее, был в алтаре – Стефан, любитель пения, стоял на клиросе. Преподобный услышал голос брата, обращенный к канонарху:

– Кто тебе дал эту книгу?

– Игумен.

На это Стефан резко, в раздражении:

– Кто здесь игумен? Не я ли первый основал это место?

И в таком роде далее. («И ина некая изрек, их же не лепо бе».) Что именно «не лепо бе», нам неизвестно.

Дослужив службу, Преподобный не вернулся в келию. Он вышел из монастыря и пешком двинулся по пути в Кинелу, никому ни слова не сказав. Оставлял обитель, им основанную, чуть не собственноручно выстроенную, где провел столько святых лет – из-за резких слов собственного брата? Это, разумеется, не так. Мы знаем ясность и спокойствие Сергея. Поступок «нервный», вызванный внезапным, острым впечатлением, совсем не идет Сергию – не только как святому, смиренно бравшему от Даниила гнилой хлеб, но и характеру его человеческому, далекому от неожиданных, порывистых движений. Конечно, случай в церкви – лишь последняя черта. Конечно, Сергей давно чувствовал, что им недовольны некоторые, не один Стефан, за общежитие, за подвиг *трудной жизни*, куда звал он. И что *надо что-то сделать*.

С точки зрения обыденной он совершил шаг загадочный. Игумен, настоятель и «водитель душ» – как будто отступил. Оставил пост. Оставил и водительство. Трудно представить на его месте, напр., Феодосия Печерского. Конечно, он *смирил* бы недовольных. Нельзя думать, чтобы и у католиков произошло подобное. Виновных наказали бы, а игумен, ставленный самим архиепископом, никак не бросил бы монастыря.

Но русский смиренный и «убогий» старичок, которого и крестьянин-то приезжий не хотел признать игуменом, – в хмурый вечер вышел с палкою из Лавры, мерил старческими, но выносливыми, плотницкими ногами к Махрищскому монастырю дебри Радонежа. Никому он не сдавался, ни пред кем не отступал. Как можем мы знать его чувства, мнения? Мы можем лишь почтительно предполагать: так сказал внутренний голос. Ничего внешнего, формального. Ясная, святая вера, что «так будет лучше». Может быть, вопреки малому разуму, но – лучше. Чище. Если зажглись страсти, кто-то мне завидует, считает, что ему надо занять место мое, то пусть уж я уйду, не соблазняю и не разжигаю. Если меня любят, то любовь свое возьмет – пусть медленно. Если Бог так мне повелевает, значит, Он уж знает – нечего раздумывать.

И вот глухая ночь застала на пути – молитва в лесу, краткий сон. Разве боялся св. Сергей леса этого – пустынный, друг медведей? А на утро, как и некогда перед епископом в Переяславле-Залесском, забрызганный и запыленный, он у врат Махрищской обители. Ее игумен-основатель, постриженник Киево-Печерской Лавры и друг Преподобного, Стефан, узнав, что Сергей посетил его, велел ударить в «било» и со всей братией вышел. Они кланяются до земли друг другу, ни один не хочет подыматься первый. Но Сергию пришлось уступить. И он встает, благословляет, – дорогой, почетный гость в монастыре.

Он остается у Стефана некоторое время. А затем, с монахом Симоном, опять пешком, опять лесами, трогается в новые края, для основания новой пустыни. Он и нашел их, на реке Киржач. Там Преподобный Сергей поселился.

Но недолго пробыл в одиночестве. Разумеется, произошло смятение на Маковице. Большинство было огорчено – глубоко. Отправились за Преподобным. В Махрищском монастыре один из иноков узнал, что Сергей ушел дальше. Он вернулся в Лавру, рассказал об этом. И, мало-помалу, на Киржач стали пробираться преданные Сергию. Так было с ним всегда: любовь, почтение и поклонение к нему влекли. Он никого не приневоливал. Но если и хотел, не мог уйти от подлинной своей славы – чистой и духовной. Нигде в лесах один остаться он не мог, хотя всегда искал уединения, всегда отказывался властвовать, и более всего молился и учил, работал.

Он взялся за топор и на Киржаче. Помогал монахам строить келии, копал колодезь, просил митрополита Алексия поставить церковь – и поставил. Помогали в этом и со стороны, конечно, присылали подаяния. Ввел общежительный устав и здесь.

Но этим дело, все-таки, не кончилось. В Лавре не мирились с тем, что его нет. Старцы отправились к митрополиту, прося о воздействии. Может быть, и его уход изобразили не совсем точно, смягчили. Все же очевидно, что без Сергия им было неприятно. Митрополиту это тоже мало нравилось. И он отправил двух архимандритов, Павла и Геронтия, с увещанием к Сергию. Вероятно, это был полусовет, полуприказ. Возник из-за просьбы братии. Как ничего внешнего – в уходе Сергия, так же свободно, в сущности, и возвращение. Сергей пробыл на Киржаче 3–4 года. Митрополит мог бы давно силой возвратить его оттуда. Этого не случилось. Оба ждали, чтоб назрело время, разрешили жизненную трудность в духе вольности и любви. Правда, Алексий предлагал Сергию удалить недовольных общежитием. Но к этому не прибегали. Это *не* стиль Сергия. Ведь если бы он захотел, гораздо раньше мог бы сделать это – Алексий глубоко чтил его.

Киржачский монастырь был освящен и назван Благовещенским. Митрополит прислал церковную утварь, рукоположил в «строители» ученика Сергия – Романа.

А Сергей возвратился в Лавру. Епифаний вновь подробно, как бы очевидцем, описал нам это возвращение. «Умилительно было видеть, как, одни со слезами радости, другие со слезами раскаяния, ученики бросились к ногам святого старца: одни целовали его руки, другие – ноги, третьи самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы полюбоваться на своего желанного авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались воз-

глашения: Слава Тебе, Боже, обо всех промысляющий! Слава Тебе, Господи, что сподобил Ты нас, осиротевших было, вновь увидеть нашего отца...». – И дальше, в столь же патетическом тоне.

Если тут есть след и собственного красноречия (к чему вообще склонен Епифаний), то, несомненно, возвращение святого, чистого и знаменитого игумена в обитель, им основанную, им прославленную, игумена, ни за что обиженного, не могло и не взволновать. В общем – сцену эту мы прекрасно видим.

Стефан тут не присутствовал. Был ли он в Москве, в своем монастыре Богоявленском? Неизвестно. Знаем лишь, что после смерти Сергия он снова в Лавре. От него знал Епифаний и о детстве Преподобного.

Сергий победил – просто и тихо, без насилия, как и все делал в жизни. Не напрасно слушался голоса, четыре года назад сказавшего: «Уйди». Победа пришла не так скоро. Но была полна. Действовал он тут не как начальник, как святой. И достиг высшего. Еще вознес, еще освятил облик свой, еще вознес и само Православие, предпочтя внешней дисциплине – свободу и любовь.

Преподобный Сергей и церковь

История ухода Преподобного подводит к отношениям его с церковью, его месту в Православии.

Можно так, вкратце, определить положение церкви времен Сергея: мир в идеях, ответственность в политике.

Идейных разномыслий мало. Стригольники не сильны. Раскол, жидовствующие, Иосиф Волоколамский, Никон и старообрядцы – все придет позднее. Не от кого защищаться, не на кого нападать. Но есть русские князья, и есть татары, есть вообще Россия, едва держащаяся, чуть не поглощаемая. И национальная задача – отстоять ее. Борьба за государство. Церковь вмешана в нее глубоко.

Два митрополита, оба замечательные, наполняют век: Петр и Алексей*. Игумен ратский Петр, волынец родом, первый митрополит русский, основавшийся на севере – сначала во Владимире, потом в Москве. Петр – первый благословил Москву. За нее, в сущности, положил всю жизнь. Это он ездит в Орду, добывает от Узбека охранительную грамоту для духовенства, непрерывно помогает Князю, закладывает с ним в 1325 г. первую каменную церковь, гордость нашего Кремля – Успенский собор. Архангельский, с гробницами царей, монастырь Спаса на Бору (единственные каменные стены, уцелевшие с тех пор) – все нас подводит к легендарному палладиуму Москвы – св. митр. Петру, тоже «собирателю», борцу, политику, миссионеру и целителю, судье и дипломату. Петр не видал еще свободы. На своих крепких и первосвятительских плечах он вынес самые тяжелые, предрассветные времена родины. Но не погнулся, не поддался.

Митрополит Алексей – из сановного, старинного боярства города Чернигова. Отцы его и деды разделяли с Князем труд по управлению и обороне государства. На кафедре митрополита Всероссийского Алексей шел воинственным путем, это *ecclesia militans*¹⁹, преемственный советник трех князей Московских, руководитель Думы, дипломат в Орде и ублажитель ханов, суровый и высокопросвещенный пастырь, карающий, грозящий отлучением, если надо. На иконах их изображают рядом: Петр, Алексей, в белых клобуках, потемневшие от времени лица, узкие и длинные, седые бороды... Два неустанных созидателя и труженика, два «заступника» и «покровителя» Москвы.

Преподобный Сергей при Петре был еще мальчиком, с Алексием он прожил много лет в согласии и дружбе. Но св. Сергей был пустынный и «молитвенник», любитель леса, тишины – его жизненный путь иной. Ему ли, с детства отошедшему от злобы мира сего, жить при дворе, в Москве, властвовать, иногда вести интриги, назначать, смещать, грозить! Нет, он послушный сын Церкви, но не генерал ее. Очарование Православия – не полководец. Святой, но не хранитель догматов. Митрополит Алексей часто приезжает в его Лавру – может быть, и отдохнуть с тихим человеком – от борьбы, волнений и политики. А Сергей не имеет ни малейшей склонности к Москве. Он никуда не *ездит*, только *ходит*, но туда лишь, куда вызывают, или если обстоятельства велят.

Замечателен один его вызов – митрополитом Алексием.

Алексий чувствовал себя тогда уже стареющим и слабым – размышлял, кому передать кафедру по смерти. Некогда Феогност заранее наметил и его – себе на смену. Но теперь положение сложнее: Великий Князь Дмитрий очень хотел возвести в митрополиты новоспаского архимандрита Михаила* (его прозвали почему-то *Митяем*). Алексей этого не одобрял. Говорил: «Митяй еще недавний монах, надобно ему запастись духовным опытом и потрудиться в монашестве».

¹⁹ Воинствующая церковь (лат.).

Без одобрения патриарха он Митяя благословить не хотел. При этом, один митрополит – Киприан* – для Западной Руси уж был, его поставили по желанию литовских князей. После Алексия он должен был стать Всероссийским, жить в Москве. Но его не хотел Великий Князь. Митяй считался гордым и самонадеянным, Алексей, вероятно, чувствовал, что недостойн он занять кафедру св. Петра. Киприан не подходил Вел. Князю – тот хотел верного и знакомого человека. Да Киприан считался и врагом Алексия.

Зная чистоту, святость, славу Сергия, Алексей *его* выбрал.

Когда явился Сергей, то Алексей велел принести золотой «парамандный»²⁰ крест митрополитий, с драгоценными камнями. Отдал его Преподобному.

Но святой просто ответил:

– От юности я не был златоносцем; а в старости тем более желаю пребывать в нищете.

– Знаю, – ответил митрополит, – всегда ты жил так. Но теперь покажи послушание, прими от меня этот крест.

И сам надел его на Сергия, «как бы в знак обручения святительского сана». Объяснил, что Киприану он не может доверять, а его, Сергия, прочит на свое место. И это одобряют все, от простых людей до князя. Сначала он получит сан епископа, а затем митрополита.

Из предыдущей жизни Сергия мы знаем, что *хотел* он только уйти из родительского дома в лес и быть постриженным в монахи. Игумена Митрофана, старичка, постригавшего юношу на безвестный подвиг, он позвал некогда сам. Епископ Афанасий возводил его в игумены после великого сопротивления. Но прославленный митрополит Алексей, его личный

²⁰ «Парамандный крест». «В древности у архиереев кроме параманда монашеского, который носили по рубашке, был еще параманд служебный, который при богослужении и надевался ими на стихарь или подризник. Этот параманд и разумеется в нашем случае» (Голубинский).

друг, Кремль, золотой крест в драгоценностях и сан митрополита – здесь поседель, скромный, но и опытный уже Сергей проявил такую твердость, что сломить ее не удалось Алексию. Он отказался наотрез. В конце беседы сказал другу и начальнику:

– Если не хочешь отгонять моей нищеты от твоей святыни, то не говори больше об этом. Не позволяй и другим побуждать меня: невозможно найти во мне то, чего желаешь ты.

Сергей уходил уже однажды на Киржач. И теперь мог взять посох, на шестом десятке лет так же спокойно и не говоря ни слова тронуться в далекие леса. Алексей понял это. Не настаивал и отпустил. Так было лучше. Сергей лучше всякого другого знал себя, мог делать только то, к чему был призван. И как всегда, внутреннему голосу больше всего придавал цены.

Он никогда не восставал на Церковь и глубоко почитал иерархию. Но убедил Алексея, что и для Церкви лучше, если он будет делать свое дело.

Так что свою церковную «карьеру» он пресек. Спокойно удалился от того, чего другие добивались так усердно.

И только выиграл на этом. Когда Алексей умер (1378), началась десятилетняя борьба за митрополичью кафедру. Действующие лица ее: Митяй, епископ Дионисий*, Киприан, архимандрит Пимен*. Это печальные страницы Церкви. Русские показывают себя здесь не лучше греков, греки в патриарших канцеляриях открыто продают митрополию. Ярче, интереснее других все же Митяй, бурный и «дерзкий» духовник Великого Князя Дмитрия, а затем условно Князем же (до утверждения патриархом) «назначенный» митрополитом. Его фигура не совсем ясна, и необычна. Никонова летопись клеймит его (на митрополичьем дворе «незнаемо здеа страшно некако и необычно»), другие думают, что, наоборот, арх. Михаил был человек больших талантов и пытался обновить Церковь²¹.

Как бы то ни было, все претенденты, грызшие друг друга, всячески старались привлечь к себе Сергея – его авторитет моральный. Сергей был против Митяя – в этом следовал Алексию, и всему складу образа собственного: был ли Митяй просто великим честолюбцем или же и даровитым реформатором, во всяком случае духу Сергиевой простоты и скромности никак не отвечал. Сергей обновлял свой монастырь любовью, миром. А Митяй наказывал не только архимандритов, но и епископов. На Дионисия Суздальского кричал: «Я спорю твои скрижали». Такому нраву у монаха вряд ли Преподобный мог сочувствовать.

В борьбе Митяя с Дионисием Сергей встал на сторону последнего: когда его арестовали, Преподобный поручился за него. Епископа освободили. Это – дело тишины и доброты святителя. Дионисий доброты не оправдал. Он тотчас же обманул («преухитрил») Великого Князя – вновь, несмотря на обещанье не ходить, – Волгой бежал в Константинополь добиваться митрополии. Это страшно раздражило Митяя на Сергея. Он грозил разрушить его монастырь.

«Преподобный же игумен Сергей рече: молю Господа Бога моего сокрушенным сердцем, да не попустит Митяю хвалящусь разорити место сие святое и изгнати нас без вины».

Митяю ничего не удалось сделать. Неожиданно в Константинополе он умер, греки же за деньги возвели в митрополиты его спутника, архимандрита Пимена, у которого и началась борьба с Киприаном. Роль митрополита Западных Церквей Киприана во всех этих интригах тоже не из светлых. И он тоже обращался к Сергию в тяжелые минуты (когда в восьмидесятых годах его с позором, обобрав, какой-то боярин Никифор выгнал из Москвы, на жалких

²¹ Архим. Михаил. – В конце концов, мы так мало о нем знаем, что трудно решить, был ли он просто честолюбцем, талантливым и бурным по натуре, или и новатором, реформатором церкви. Последнего мнения держится проф. Голубинский в своей истории церкви, но не приводит никаких фактов. Что и как реформировал «Митяй»? Голубинский *предполагает*, что потому он и ссорился с духовенством и круто обращался с ним, что пытался вводить новшества. Но разве это доказательно? Для нас, во всяком случае, ясно, что идеалу святости и монашества *по Сергию* он не соответствовал. И более чем трудно чувствовать симпатию к человеку, грозившему разорить Троице-Сергиеву Лавру!

клячах, «в обротех лычных», без обуви и без сорочек). Сохранилось несколько его посланий к Сергию. Он жалуется, просит помощи, и утешения. Вот именно утешить Сергей мог. И сделал это. Тут он в своей области, и видно, еще раз, как мудро и со знанием себя, своего дела и судьбы он поступил, сняв парамандный крест митрополита.

Сергий и государство

Преподобный Сергей вышел в жизнь, когда татарщина уже надламывалась. Времена Батые, разорения Владимира, Киева, битва при Сити* – все далеко. Идут два процесса: разлагается Орда, крепнет молодое русское государство. Орда дробится, Русь объединяется. В Орде несколько соперников, борющихся за власть. Они друг друга режут, отлагаются, уходят, ослабляя силу целого. В России, наоборот, – восхождение. Некогда скромная *Москва* (выражение жития: «*честная кротостью*» и «*смиренная кротостью*»), катясь в истории как снежный, движущийся ком, росла, наматывая на себя соседей. Это восхождение трудное, часто преступное. Мы знаем, как в свирепой борьбе Москвы с Тверью Юрий (брат Ивана Калиты) ведет против тверичей татар. И Калита татарами же умирлял восставшего Александра Михайловича. Попутно и свое добро растил: Углич, Галич, Белозерск перешли к нему. Знаем, как Юрий удушил рязанского князя Константина*, взятого отцом и жившего в плену. Как происками москвичей гибли в Орде князья Тверские. Вся их история полна трагедий. Шекспировским ужасом веет от старого Михаила Тверского, которому в Орде надели ярмо на шею и водили месяц, выставляя на «правеж». Потом – убили. Развязка здесь тоже шекспировская: его сын, Дмитрий Грозные Очи*, в той же ставке ханской убивает Юрия, убийцу своего отца, – сам погибает. А другой тверской князь, знавший, что идет в Орду на гибель, и пошедший все же?* Волга не хотела пропускать его. Пока плыл он русскими землями, ветер был противный – повернулся, лишь когда Россия кончилась. В Орде князь мужественно ждал гибели. Последние три дня молился, и пред самой казнью ездил все на лошади, спрашивал: «Когда ж меня убьют?»

При *поэтическом* подходе тверитяне затмевают хитрых и коварных москвичей. В них все же есть дух рыцарский, быть может, – и ушкуннический. Московские Даниловичи – лишь политики и торгаши. Но тверитяне взяли ложную линию движения – она их привела к гибели. Делу же общерусскому они вредили. А москвичи – сознательно или нет, шли *большаком* русской государственности – и себя связали с нею навсегда.

Союзнницей москвичей была и Церковь. Митрополитов Петра и Алексия мы уже поминали. Для них борьба за Москву была борьбой за Русь. Петр, по преданию, предсказал Москве величие. Но жил во время безраздельной и могущественной еще Орды. Алексей уже видел проблески. А Сергию довелось благословить на первое поражение татар.

Преподобный не был никогда политиком, как не был он и «князем церкви». За простоту и чистоту ему дана судьба, далекая от политических хитросплетений. Если взглянуть на его жизнь со стороны касанья государству, чаще всего встретишь Сергия – учителя и ободрителя, миротворца. Икону, что выносят в трудные минуты, – и идут к ней сами.

Разумеется, не в молодые годы выступал он так. Первое упоминание – 1358 г., при Иване, сыне Калиты. Преподобный путешествует в Ростов, родной свой город, убеждает Константина Ростовского признать над собой власть Великого Князя. Но через два года Константин выхлопотал себе в Орде грамоту на самостоятельный удел – и в 1363 г. Сергей вновь идет на «богомолie к Ростовским чудотворцам» – видимо, вновь убеждает Константина не выступать против Великого Князя. И это снова удалось ему.

В 1365 г. князь Борис Константинович Суздальский захватил у своего брата Дмитрия Нижний Новгород. Дмитрий признавал главенство Московского Князя (Дмитрия Донского) и пожаловался ему на брата. Москве никак не могло нравиться, чтобы Борис устраивался в Нижнем самовольно. И распоряжением Алексия Преподобный Сергей снова послан миротворцем. Но с Борисом трудно было сладить даже Сергию.

Пришлось действовать строже: он закрыл церкви в Нижнем. Димитрий двинул войско. Борис уступил. Это единственный случай, когда Сергей вынужден был наказать. По тем кровавым временам какое, в сущности, и наказание?

В этих выступлениях Сергием руководил Алексей. Мы приближаемся к тем действиям общественным святого, которые предприняты по смерти митрополита.

Несколько слов истории. Главным предметом внутрирусской драмы в этот век была борьба Москвы и Твери. Началась она при братьях Юрии и Иване (Калите) Даниловичах, а кончилась при Димитрии, победою Москвы. Княжение Калиты, несмотря на Тверь, – первое сравнительно покойное. Удавалось отклонять татар от экзекуций. Приходилось зато раболепствовать перед ними. Политика Алексея и Димитрия впервые попыталась взять иное направление, самозаконное. Для этого надо было сломить Тверь.

Первым открытым выступлением Димитрия в самодержавном духе было возведение «каменного города Москвы», т. е. Кремля (1367). Ясно, делалось это не зря. «Всех князей русских стал приводить под свою волю, а которые не повиновались его воле, – говорит летопись, – на тех начал посягать».

В это время главным «внутренним» его противником был внук Михаила Тверского, тоже князь Михаил, женатый на сестре Ольгерда Литовского*, последний яркий представитель буйного трагического рода. Дважды водил он под Москву литовцев. Димитрий отсиживался в каменном Кремле. Больше того – Михаилу удалось выхлопотать себе великокняжеский ярлык, но Димитрий уж не так с Ордой считался. Приводил к присяге и владимирцев, и других, не обращал внимания ни на какие ярлыки. Переломилась психика. Проходил страх, ясным становилось, что Москва есть Русь. Петр и Алексей угадали. Михаил же делал противонациональное. Общественное мнение не за него.

И когда в 1375 г. Димитрий двинулся на «узурпатора», его поддерживало все «великорусское сердце»: князья и рати суздальские, нижегородские, ростовские, смоленские и ярославские, и др. Он взял Микулин, осадил Тверь, вынудил Михаила к унижительному миру и отказу от всех притязаний.

В Орде, между тем, выдвинулся Мамай, стал ханом. К поражению Твери спокойно отнестись Мамай не мог, – слишком заносчив становился Димитрий. Мамай посылал карательные отряды на нижегородцев, новосильцев, за их помощь Димитрию. В 1377 г. царевич Арапша разбил суздальско-нижегородскую рать на реке Пьяне, разграбил Нижний. В следующем – выслал мурзу Бегича против Димитрия. Но Димитрий энергичным маршем за Оку предупредил его. 11 августа, на Воже, татары в первый раз были разбиты.

Мамай решил вообще покончить с непокорным Димитрием, напомнить «времена батыевщины». Собрал всю волжскую Орду, нанял хивинцев, ясов и буртасов, сговорился с генуэзцами, литовским князем Ягелло* – летом заложил свой стан в устье реки Воронежа. Поджидал Ягелло.

Время для Димитрия опасное. Митрополит Алексей уже умер. Димитрий действовал на собственный страх. В Москве вовсе не было митрополита – Михаил (Митяй) уехал к Патриарху.

Здесь и выступает снова Сергей. Т. е. сам он никуда не выступает, а к нему, в обитель, едет Димитрий за благословением на страшный бой.

До сих пор Сергей был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым. Теперь стоял пред трудным делом: благословения на кровь. Благословил бы на войну, даже национальную – Христос? И кто отправился бы за таким благословением к Франциску? Сергей не особенно ценил печальные дела земли. Самый отказ от митрополии, тягости с непослушными в монастыре – все ясно говорит, как он любил, ценил «чистое деланье», «плотничество духа», аромат стружек духовных в лесах Радонежа. Но не его стихия – крайность. Если на трагической земле идет трагическое дело, он благословит ту сто-

рону, которую считает правой. Он не *за* войну, но раз она случилась, *за* народ и *за* Россию, православных. Как наставник и утешитель, Параклет России, он не может оставаться безучастным.

18 августа Димитрий с князем Серпуховским Владимиром, князьями других областей и воеводами приехал в Лавру. Вероятно, это было и торжественно, и глубоко серьезно: Русь *вправду* собралась. Москва, Владимир, Суздаль, Серпухов, Ростов, Нижний Новгород, Белозерск, Муром, Псков с Андреем Ольгердовичем – впервые двинуты такие силы. Тронулись не зря. Все это понимали.

Начался молебен. Во время службы прибывали вестники – война и в Лавру шла – докладывали о движении врага, предупреждали торопиться. Сергей упросил Димитрия остаться к трапезе.

Здесь он сказал ему:

– Еще не пришло время тебе самому носить венец победы с вечным сном; но многим, без числа, со трудникам твоим плетутся венки мученические.

После трапезы Преподобный благословил князя и всю свиту, окропил св. водой. Замечательно, что летопись и тут, в минуту будто бы безнадежную, приводит слова Сергия о мире. Преподобный будто пожалел и Русь, и все это прибывшее, должно быть, молодое и блестящее «воинство». Он сказал:

– Тебе, Господин, следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа. Но прежде пойдя к ним с правдою и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. И Писание учит, что если такие враги хотят от нас чести и славы – дадим им; если хотят золота и серебра – дадим и это; но за имя Христово, за веру православную, подобает душу положить и кровь пролить. И ты, Господин, отдай им и честь, и золото, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную гордыню.

Князь отвечал, что уже пробовал, и безуспешно. А теперь поздно.

– Если так, – сказал Сергей, – его ждет гибель. А тебя – помощь, милость, слава Господа.

Димитрий опустился на колени. Сергей снова осенил его крестом.

– Иди, не бойся. Бог тебе поможет.

И наклонившись, на ухо ему шепнул: «Ты победишь».

Великий Князь «прослезился». Так это или нет, теперь сказать уже трудно, а поверить следует: Димитрий шел, действительно, на «смертный бой». Есть величавое, с трагическим оттенком – в том, что помощниками князю Сергей дал двух монахов-схимников: Пересвета и Ослябю. Воинами были они в миру, и на татар пошли без шлемов, панцирей, – в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде. Очевидно, это придавало войску Димитрия священно-крестоносный облик. Вряд ли двинулись бы рыцари-монахи в мелкую войну из-за уделов.

20-го Дмитрий был уже в Коломне. 26–27-го русские перешли Оку, рязанскою землею наступали к Дону. 6 сентября его достигли. И заколебались. Ждать ли татар, переправляться ли?

Каков бы ни был Дмитрий в иных положениях, здесь, перед Куликовым полем, он как будто ощущал полет свой, все вперед, неудержимо. В эти дни – он гений молодой России. Старшие, опытные воеводы предлагали: здесь повременить. Мамай силен, с ним и Литва, и князь Олег Рязанский. Дмитрий, вопреки советам, перешел через Дон. Назад путь был отрезан, значит, все вперед, победа или смерть.

Сергий в эти дни тоже был в подъеме высочайшем. И вовремя послал вдогонку князю грамоту: «Иди, господин, иди вперед, Бог и Св. Троица помогут!»

8 сентября 1380 года! Хмурый рассвет, Дон и Непрядва, Куликово поле и дух «Слова о полку Игореве». Русь вышла снова в степь, меряться со зверем степи. Как все глубоко напряженно и серьезно! Перед сражением молятся. Читают «ратям» грамоту Преподобного. Над ставкой черный стяг великокняжеский с золотым образом Спасителя. Осенние туманы, медленный рассвет, холодно-серебряный. Роса, утренний холод. За Непрядвой не то стоны, не то грохот дальний. Люди умываются, подтягивают у коней подпруги, надевают чистые рубахи и в последний раз оружие свое отграживают. Строятся. Идут на смерть. Грусть и судьба – и неизбежность. Ясно, что возврата нет.

Единоборство Куликова поля вышло из размеров исторических. Создало легенду. В ней есть и несуразное. Подробности пусть отпадут, но, разумеется, миф лучше чувствует душу события, чем чиновник исторической науки. Можно отвергать известие, что Дмитрий отдал мантию великокняжескую Бренку, а сам дрался простым воином, что, раненный, был найден на опушке леса после тридцативерстного преследования. Вряд ли мы знаем, сколько войска было у Мамаю, сколько у Дмитрия. Но, уж конечно, битва-то была особенная и с печатью рока – столкновение миров.

К полудню показались и татары. Дмитрий выехал драться лично, «в первом суйме», передовой стычке. Таков обычай. Ранен не был, но доспех помяли. Тут же, по преданию, на зов татарского богатыря, выскакал Пересвет, давно готовый к смерти, и, схватившись с Челибеем, поразив его, сам пал.

Началась общая битва, на гигантском, по тем временам, фронте в десять верст. Сергей правильно сказал: «Многим плетутся венки мученические». Их было сплетено не мало.

Преподобный же в эти часы молился, с братией, у себя в церкви. Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: «Мы победили».

С детства навсегда запомнился рассказ о Куликовской битве. Как прорвали «сыроядцы» русский фланг и наши стали отступать, а рядом в роще из засады наблюдали – князь Владимир Серпуховский с воеводою Боброком и запасным корпусом. Как рвался и томился князь, Боброк же сдерживал: «Погоди, пусть ветер повернет на них». Как все сильнее бежали русские, и били их татары, но Боброк выдержал, пока враги не обнажили тыл – тогда ударили в него. Тут начался разгром Мамаю. У татар не было резервов. Дикари безудержно кинулись на Европу, и Европа вместе с воодушевлением показала и древнейше ей известный, с Аннибала, маневр охвата фланга*.

Преследование – вероятно, конницей, шло целый день, до реки Красивой Мечи. Предсказание Сергея исполнилось: Дмитрий возвратился в Москву победителем и вновь посетил Преподобного. Служили вновь молебны, но и панихиды. Потери были колоссальны. Церковь не забыла убиенных. С тех пор по всей России служатся особенные панихиды, в «дмитриевские субботы», около 26 октября, дня св. Дмитрия – отголосок той великой грусти, что сопутствовала битве.

Самая победа – грандиозна, и значение ее, прежде всего, моральное: доказано, что *мы*, мир европейский, христианский, не рабы, а сила и самостоятельность. Народу, победившему на Куликовом поле, уже нельзя было остаться данником татарщины.

Но не быстра история. Жизнь поколения – ничто. Ни Преподобный Сергей, ни Дмитрий не дождались полного торжества России, оно замедлилось на годы. Они же вновь стали свидетелями ужасов: нагрянул Тохтамыш*. Дмитрий не успел отбить его, бежал на север. Кремль был предательски захвачен, все укрывшиеся перебиты, пригороды выжжены, монастыри Симонов, Чудов, Андрониев – разграблены. Погибли Боровск, Руза и Можайск, Звенигород. Когда Дмитрий, собиравший «рати» в Костроме, вернулся, от Москвы остались лишь развалины. Кремль полон трупов – за очистку заплатил он 300 рублей, по рублю за 80 трупов.

Сам Преподобный с братией должен был удалиться – «и от Тохтамышева нахождения – бежа во Тферь».

Трагическая неудача стоила России новой дани, Дмитрию – вновь путешествий, унижений и низкопоклонства.

Татары Тохтамыша не добрались до монастыря Сергея. Он возвратился.

Глубокой осенью 1385 г., пешком идет святой в Рязань, миротворцем к Олегу Рязанскому, – давнишнему, упрямому врагу Москвы, союзнику Твери, Мамаю и Ольгерда. Олег был крепкий, вероломный, закаленный в трудных временах князь типа тверитян. Вся жизнь его прошла в интригах и походах. Ему случалось бить и москвичей, терпеть и «нахождения» татар. Чтобы спасти своих рязанцев, живших на пути татарском в глубь России, – унижаться, предавать. Быть может, его старость, после бурной и тяжелой жизни, была нелегка. Как бы то ни было, победил Сергей, – старичок из Радонежа, семидесятилетними ногами по грязям и бездорожью русской осени отмеривший верст двести!

Вот рассказ летописи:

«Преподобный игумен Сергей, старец чудный, тихими и кроткими словесы... беседовал с ним о пользе душевной, о мире и о любви. Князь же великий Олег преложи свиреп-

ство свое на кротость и утиши, и укротись, и умилишь вельми душою, устыде бо столь свята мужа, и взял с Великим Князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род». Так было и на самом деле. Чтобы закрепить союз, Олег женил на дочери Дмитрия своего сына.

А в жизни Преподобного – это последний выход в область «государства».

Как одобритель и как миротворец, Сергей выступал всегда от Москвы, значит, – и России. Подымал свой крест, и свой негромкий, но правдивый голос только за дела правдивые. Меньше всего был он орудием – власти ли церковной или государственной. Бедность, старость, простота и равнодушие к успехам, вечное стоянье «пред лицом Бога», труд, молитва, созерцание – делали его так же свободным, как и Феодосия Печерского, не побоявшегося назвать князя Святослава, за убийство брата, Каином. Св. Сергию не приходилось обличать. Но радонежского отшельника, отринувшего митрополию, ясно намекавшего Алексею, что уйдет в леса; игумена, приютившего опального Дионисия; открытого противника Митяя; святого, прежде чем благословить Дмитрия, советовавшего *избежать войны*, – можно ли было Сергия *заставить* сделать что-нибудь такое, что противилось бы «гласу Божию», который шел к нему так невозбранно?

Уж, конечно, нет.

Князь Святослав раз погрозил Феодосию, что сошлет его. Тот ответил:

– Я этому рад. Для меня это лучшее в жизни. Нагими пришли мы в мир, нагими и выйдем из него.

Жизнь Преподобного Сергия слагалась и покойней, и ясней. Никто ему не угрожал. Но, если бы пришлось, он на своем спокойном и немногословном языке нашел бы нужные слова – ответил бы не хуже Феодосия.

Но наступал уже закат. В его судьбе этого не понадобилось.

Вечерний свет

Люди борьбы, политики, войны, как Димитрий, Калита, Олег, нередко к концу жизни ощущают тягость и усталость. Утомляют жалкие дела земли. Страсти расшатывают. Грехи томят. В то время многие князья на старости и вблизи смерти принимали схиму – крепкий зов к святому, после бурно и греховно проведенной жизни.

Димитрий сгорел рано. Его княжение было трудным и во многом неудачным. Он умирал в момент удачи Тохтамыша – преждевременно надломленный всей ношей исторической. После Куликова Поля он сближается теснее с Преподобным: в 1385 г. Сергей крестит его сына*, в 1389-м, умирая, Димитрий пишет завещание «перед своими отцы, перед игуменом перед Сергием, перед игуменом перед Савостьяном». В этом завещании особенно подчеркивается единовластие – идея, за которую Димитрий воевал всю жизнь. Он уже считает себя русским государем. Старший сын наследует отцу. Ни о каких уделах и борьбе за княжеский стол больше нет и речи. Порядок этот и установился на столетия, создав великую монархию.

Димитрий отошел в тяжелую минуту. В памяти Истории, однако, позабылись промахи его и неудачи, он остался лишь героем Куликова Поля, молодым и смелым, первым повалившим зверя степи.

Судьба Сергея, конечно, уж иная. В годы Куликовской битвы и дальнейшие, он признанный облик благочестия и простоты, отшельник и учитель, заслуживший высший свет. Время искушений и борьбы – далеко. Он – живая схима. Позади *крест деятельный*, он уже на высоте *креста созерцательного*, высшей ступени святости, одухотворения, различаемой в аскетике. В отличие от людей миро-кипучей деятельности, здесь нет усталости, разубереждений, горечи. Святой почти уж за пределами. Настолько просветлен, пронизан духом, еще живой преобразен, что уже выше человека.

Видения и чудеса Сергея относятся к этой, второй половине жизни. А на закате удостоился он и особенно высоких откровений.

Из них есть связанные с Литургией. Так, Преподобный Сергей должен был благословить ученика своего Исаакия на «подвиг молчания». Подвиг этот очень труден. Преподобный сказал Исаакию:

– Стань завтра после Литургии у северных врат, я благословлю тебя.

В условленное время Исаакий встретил его там. Сергей перекрестил его, с особой, напряженной молитвой. И тогда увидел Исаакий, что из руки Преподобного «исходит пламень и объемлет его». Он стал молчальником. Когда хотелось говорить, молитва Сергея и пламень руки ограждали его. Но и об этом случае, и о другом ему дано было сказать.

Однажды Литургию служили Сергей, брат его Стефан и племянник Феодор. Вдруг Исаакий видит в алтаре четвертого, в блистающих одеждах. На малом выходе, с Евангелием, четвертый шел за Сергием и так сиял, что Исаакий должен был прикрыть глаза рукой. Он спрашивает у Макария, соседа – кто бы это мог быть? Макарий тоже видел священнослужителя, ответил: вероятно, кто-нибудь из приехавших с князем Владимиром Андреевичем. Князь находился тут же. Но ответил, – никого не привозил. Макарий с Исаакием, после службы, обратились к Сергию, сказали, что, наверно, ангел ему сослужил. Сергей сначала уклонялся. Но затем, когда они настаивали, то признал:

– Если уж Господь открыл вам эту тайну, то могу ли я скрыть ее? Тот, кого вы видели, действительно, ангел. И не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение. Но вы храните это в тайне, пока я жив.

Свет и огонь! Легкий небесный пламень как бы родствен, дружен теперь с Преподобным. «Друг мой свет», «друг мой пламень*», мог сказать пронизанный духовностью, наполовину вышедший из мира Сергей. И не удивит рассказ еkkлезиярха Симона, видевшего, как

огонь небесный сошел на Св. Дары при освящении их Сергием, «озаряя алтарь, обвиваясь около св. трапезы и окружая священнодействующего Сергия».

В эти годы светлого своего вечера Преподобный Сергей имел еще одно «виденье, непостижное уму*».

За всю, почти восьмидесятилетнюю жизнь его нигде, ни на одном горизонте не видна женщина. Юношей отошел он от главнейшей «прелести» мира. В ранних искушениях на Маковице женщина не упомянута. Все «житие» нигде женщиной не пересечено – даже настоятельницей монастыря соседнего, поклонницею и «женою мирноносицей», как св. Клара в жизненном пути Франциска*. В прохладных и суровых лесах Радонежа позабыто само имя женщины. Приходят за благословением и укреплением князья, игумены, епископы, митрополиты и крестьяне. Сергей примиряет споры, творит чудеса. Но ни одной княгини, ни одной монахини, крестьянки. Как будто Сергей-плотник – лишь мужской святой, прохладный для экстаза женщины, и женщин будто вовсе не выдавший. Конечно, это только впечатление. Но – остается.

Однако же, в его духовной жизни культ Жены существовал. Культ Богоматери, Мадонны – в этом смысле Преподобный Сергей был типическим средневековым человеком в русском облике. Глубокой ночью ежедневно, в келии, он пел акафист и молился Богородице. В закате земной жизни, на призыв стремлений многолетних Непорочная, по житию, сошла к нему.

Посещение произошло Рождественским постом, в ночь с пятницы на субботу – при колебании в годах: между 1379–1384.

Преподобный, как обычно, пел в келии акафист и молил Св. Деву за обитель. Кончив, сел приотдохнуть. Вдруг он сказал келейнику Михею:

– Ободрись. Сейчас будет чудесное.

И услышал голос:

– Пречистая грядет.

Преподобный встал и вышел в сени. В ослепительном свете перед ним явилась Богоматерь с Апостолом Петром и Евангелистом Иоанном. В ужасе он пал на землю. Но Св. Дева ободрила его, сказала, что всегда будет заступницей обители, пусть не тревожится он. Его молитвы до Нее дошли.

И удалилась.

Сергий встал, возвратился в келию. Михей тоже лежал, закрыв глаза одеждой. Он не видел Богородицы, лишь свет и ужас. Преподобный отправил его за Макарием и Исаакием. Когда они явились, рассказал им о видении. И все стали на «молебное пение» Пресвятой Деве, а Сергий и остаток ночи уж не спал – размышлял и вновь переживал пережитое.

На высоте, достигнутой им, Преподобный долго жить не мог. За полгода до смерти он уже знал о ней. Собрал учеников и управление обителью передал Никону. А сам «начал безмолвствовать».

В сентябре²² тяжело заболел. Еще раз он собрал всю братию. Произнес ей наставление – об иноческой жизни, мире и любви, о «страннолюбии» – с детства особенно ценимой добродетели – и, причастившись Св. Тайн, 25-го отошел.

Он и в последнюю минуту прежний Сергий: завещал похоронить себя не в церкви, а на общем кладбище, среди простых. Но эта воля его не была исполнена. Митрополит Киприан разрешил, по просьбе братии, положить останки Преподобного именно в церкви.

²² Преподобн. Сергий скончался 25 сент. 6900 г. от Сотворения Мира. – Приблизительно в это же время было у нас изменено летосчисление – год стали начинать не с марта, а с сентября. Если смерть Преподобного записана по-старому, то получится от Р. Х. – 1392-й, если по-новому, сентябрьскому, – то 1391 г. – По указанию летописей, запись сделана по-старому, след., Преподобный умер в 1392 г.

Дело и облик

Сергий пришел на свою Маковицу скромным и безвестным юношей Варфоломеем, а ушел прославленным старцем. До Преподобного на Маковице был лес, вблизи – источник, да медведи жили в дебрях по соседству. А когда он умер, место резко выделялось из лесов и из России. На Маковице стоял монастырь – Троице-Сергиева Лавра, одна из четырех Лавр²³ нашей родины. Вокруг расчистились леса, поля явились, ржи, овсы, деревни. Еще при Сергии глухой пригорок в лесах Радонежа стал светло-притягательным для тысяч. Через тридцать лет по смерти были открыты мощи Сергия – и на поклонение им ходили богомольцы нескольких столетий – от царей до баб в лаптях, проложивших тропки торные по большаку к Сергиеву Посаду. И получилось так: кто меньше всех «вкусил меда» от жизни – более всех дал его другим – но в иной области.

Присмотримся немного, что же он оставил.

Прежде всего – монастырь. Первый крупнейший и прекрасный монастырь северной России.

На юге, в Киеве, эту задачу выполнили Антоний и Феодосий. Киево-Печерская Лавра, несомненно, прародительница всех русских монастырей. Но Киев и киевская культура слишком *эксцентричны* для России, слишком *местное*. Особенно в татарщине это заметно: Киев от нее, в сущности, так и не оправился, представлять великую державу никогда не смог, не нес и тяжести собирания земли – все это отдал он Москве. Она его затмила и как государство, и святыней. Уже в XIII веке митрополитам всероссийским нельзя было оставаться в Киеве. Он слишком надломился. Десятинная церковь в развалинах, Киево-Печерская Лавра пустынна, от Св. Софии – одни стены*. И митрополиты Кирилл и Максим, считаясь киевскими, в Киеве не жили. С Петром кафедра митрополичья окончательно перемещается на север – во Владимир и затем – в Москву.

²³ Лавра – слово греческое, значит – улица, тесная улица, переулок, или, вообще, уединенное место. Греки так и применяли его к монастырям. Лаврами назыв. у них монастыри, где каждый монах жил отдельно в келии, отделенный от других некоторым пространством, жил как бы затворником, анахоретом, в полном разобщении с другими братьями монастыря, сходясь с ними только в субб. и воскр. на богослужении. В России название Лавра употребляется в смысле большого монастыря, богатого и знаменитого. Тогда Лавр было довольно много, и так же Троице-Сергиев монастырь назван еще Епифанием – Лаврой. Но позже Лаврами дают право называться только прославленным монастырям, в наше время лишь четырем: Киево-Печерская Лавра, Троице-Сергиева Лавра, Александро-Невская и Почаевская. Время этого официального названия – вероятно, с XVII века, с царской и патриаршей грамоты Киево-Печерскому монастырю в 1688 г. – Троице-Сергиева Лавра – указом Елизаветы Петровны 8 июня 1744 г. (Голубинский).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.